

Елена Кибирева

ЖИВИ ПОЛЮБИ

Крестоносцы

*"...Из Всех цветов во вселенной Ты
избрал Себе одну Лилию" (3 Езд. 5, 24)*

12+

Елена Кибирева

Лилии полевые. Крестоносцы

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Кибирева Е.

Лилии полевые. Крестоносцы / Е. Кибирева — «ЛитРес: Самиздат», 2012

ISBN 978-5-532-04565-1

Вторая книга для семейного чтения серии «Лилии полевые...» составлена из духовных рассказов, поучений и повести «Крестоносцы», собранных протоиереем Григорием Пономаревым (1914-1997) во второй половине прошлого столетия. Все рассказы из архива отца Григория, переписанные духовными чадами или напечатанные на машинке, ранее были опубликованы в дореволюционных изданиях и имеют грифы Комитета по духовной цензуре. Рассказы заново отредактированы, восстановлены утраченные при переписке тексты. Работа по восстановлению текстов ведётся уже более 20 лет, к выходу постоянно готовятся новые книги.

ISBN 978-5-532-04565-1

© Кибирева Е., 2012
© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Предисловие	5
Крестоносцы	8
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Предисловие

Так случилось, что между изданием двух книг: «*Лилии полевые*» и «*Лилии полевые. Крестоносцы*» прошло достаточно много времени... 11 августа 2008 года ушел в мир иной светлый человек, владыка Михаил, епископ Курганский и Шадринский, имевший попечение о книгах, и с его уходом на коллектив «Звонницы» посыпались и большие, и мелкие неприятности, отодвинувшие работу над изданием архива отца Григория Пономарева (1914 – 1997 гг.) почти на пять лет.

Однако за время подготовки к изданию этой книги произошли важные события в истории канонизации новых святых Екатеринбургской епархии, и эти события имеют самое непосредственное отношение к исповедническому служению митрофорного протоиерея Григория Пономарева и его супруги Нины Сергеевны (в девичестве Увицкой).

Нашим дорогим читателям напомним, что отец Григорий и его верная супруга матушка Нина (так все ее звали) более 60-ти лет служили Богу в храмах Свердловской и Курганской областей. Они почили во Господе Иисусе Христе в один день 25 октября 1997 года, явив своей смертью пример истинно христианской кончины.

В 2008 году в городе Екатеринбурге была издана прекрасная книга «Жития святых Екатеринбургской епархии», подготовленная к печати Комиссией по канонизации святых Екатеринбургской епархии. Выпуск книги приурочен к 90-летию кончины Святых Царственных Стасотерпцев, преподобномучениц Великой княгини Елисаветы Феодоровны и инокини Варвары, а также новомучеников и исповедников, которые пострадали за веру на уральской земле.

Велика же наша радость и благодарение Господу и Его угодникам, что в этом сонме новых святых просияли родители отца Григория и матушки Нины Сергеевны – архимандрит Ардалион (Пономарев) и протоиерей Сергей Увицкий. И не случайно эта книга выходит в свет к Царским дням на Урале – как напоминание о том, что отец Григорий стал последним хранителем Царского Креста-мошевика, переданном 19 мая 2001-го года по просьбе его дочери Ольги Григорьевны Пономаревой на Ганину Яму.

Преподобномученик Ардалион (память 16/29 июля), в миру Александр Ипполитович Пономарев, родился 22 июля 1877 года в семье священника и с детства отличался большими способностями к наукам; он знал три языка: французский, греческий и латинский. Закончив курс Пермской Духовной семинарии по первому разряду, он служил в храмах Екатеринбургского уезда и одновременно преподавал Закон Божий в разных духовных учреждениях уезда.

В 1905 году отцу Александру довелось сослужить великому святому Иоанну Кронштадтскому, который прибыл в Екатеринбург из Перми на 3 дня и «каждый день совершал утреню и Литургию в одном из городских храмов,.. потом служил молебны по домам («Жития святых Екатеринбургской епархии», 2008, с. 261). «Отец Александр стал одним из тех, кому посчастливилось принимать отца Иоанна Кронштадтского у себя дома...» (там же, с. 261).

После смерти супруги в 1933 году протоиерей Александр принял монашеский постриг с именем Ардалион. А в феврале 1936 года его перевели в Каслинский завод с целью добиться установления епархиального управления в Челябинской области; кандидатурой на возведение в сан епископа стал архимандрит Ардалион как последователь Патриарха Тихона. 4 января 1937 года его арестовали, предъявив обвинение в контрреволюционной деятельности. Однако «отец Ардалион был единственным из десяти обвиняемых, который “упорно” не признавал своей “вины” ни на допросах, ни на очных ставках» (там же, с. 270). А вскоре его отправили по страшному этапу, перегоняя шестидесятилетнего измученного узника из одного лагеря в другой, пока он не умер от истощения в стационаре лагерного пункта «Адак» Воркутинской исправительно-трудовой колонии.

«Исповедничество отца Ардалиона – это плод духовного пути, по которому он следовал в течение всей своей жизни. Любовь к Богу и ближним, молитва, ревность к богоугождению, деятельное исполнение Евангельских заповедей всегда были главными для него, мученичество же явилось лишь венцом его святой жизни» (*там же*, с. 273).

Священномученик Сергей Увицкий (память 27 февраля/12 марта) родился в 1881 году в семье народного учителя, позднее ставшего священнослужителем. Закончил с отличием Казанскую Духовную Академию и несколько лет преподавал в духовных школах Екатеринбургского уезда. Отец Сергей был прекрасным проповедником, так что даже неверующие люди в годы гонений на церковь приходили в Покровский собор города Камышлова, где служил отец Сергей, чтобы послушать его проповеди. В 1920 году его арестовали первый раз, но прихожане Покровского собора не побоялись заступиться за пастыря. Через год, когда батюшка переболел тифом в Екатеринбургском губернском концлагере и ему каким-то чудом удалось выжить, он был освобожден из заключения. Служа в храмах села Меркушино и Нижнего Тагила, отец Сергей хранил верность Патриарху Тихону и активно боролся против обновленчества. Когда в 1922 году началась кампания по изъятию церковных ценностей, протоиерей Сергей Увицкий принял все меры, противодействуя этим требованиям и призывая верующих еще теснее сплотиться вокруг церкви и встать на защиту православных храмов. 10 февраля 1930 года его снова арестовали и осенью 1931 года перевели в вишерский исправительно-трудовой лагерь «Булаг», а далее – в лагерь на Беломорканал, где он и умер 12 марта 1932 года. Обстоятельства смерти отца Сергея неизвестны, однако в его архивно-следственном деле осталось заявление от 23 апреля 1930 года, написанное им из заключения, которое хранит слова подлинного христианина-мученика, явившегося на земле, чтобы сделать ее Небом.

«...Я – убежденный православный христианин и священник, – писал он своим врагам, – избравший таковую деятельность по внутреннему произволению. Мои религиозные убеждения сложились под влиянием воспитания меня в религиозной семье и образования в духовной среде, законченного в Духовной Академии. Получив такое воспитание и образование и имея полную убежденность в истинности христианского вероучения и морали, я по внутреннему влечению избрал для себя деятельность священника как наиболее соответствующую таковым убеждениям и благоприятствующую практическим целям христианской религии – устройению жизни на началах Евангельского учения любви к Богу и человеку, нравственному возрождению и достижению спасения в вечной жизни...» (*там же*, с. 36).

За свою трудную, но истинно христианскую, исповедническую жизнь отец Григорий и матушка Нина, воспитанные на примере родителей, прославленных ныне в лике святых, собрали огромную библиотеку из рукописных и машинописных текстов, часть которых печатается в новой книге «Лилии полевые. Крестоносцы». И мы верим, что архимандрит Ардалион и отец Сергей Увицкий вместе с нашим отцом Григорием невидимо предстоят сейчас Престолу Божию и молятся Господу Иисусу Христу, умоляя Его о нашем спасении. Аминь.

Ольга Пономарева

Рисунки Ольги Бухтояровой

Рисунки Ольги Бухтояровой

Крестоносцы

Повесть Толшевского¹

Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною...

Мф. 16; 24

И кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником.

Лк. 14; 27

Святки. Отец Митрофан Радугин, священник села Белые Гари, целый день ездил по приходу со «славой».

Возвратившись домой усталый и переодевшись в легкий подрясник, он вошел в столовую, где за самоваром сидела матушка, Васса Никаноровна, и разливала чай. Перекрестившись истово на иконы, отец Митрофан сел к столу и тяжело вздохнул. Видимо, какое-то недовольство тяготило его душу и отцу Митрофану хотелось высказаться, но он поборол себя и стал молча пить чай. Да и устал он после славления, лень было говорить.

– Хорошенько бы прошел завтра вечер, – вздохнула матушка и почему-то так посмотрела на мужа, будто ожидала, что именно он и может помешать этому.

– Ну, мать, напрасно затеяла ты эту суматоху с гостями, – тихо уронил отец Митрофан. – Не люблю я этой суеты. Да славление еще не кончено. Завтра я до самого вечера пробуду на приходе, а возвращусь – гости уже съехались. Крик, шум... И отдохнуть вовсе не придется.

Легкий упрек слышался в голосе отца Митрофана, и упрек этот рассердил матушку. Лицо ее покрылось розовым румянцем, а глаза строго устремились на отца Митрофана, и в них забегали острые огоньки.

– Уж если ты ничего не понимаешь, так лучше молчал бы! – внушительно заговорила матушка. – Надо же детям повеселиться! Что ж, по-твоему: всем только и делать, что петь молитвы?

Матушка остановилась, глядя вызывающе на отца Митрофана, словно желая услышать от него утвердительный ответ. Но ничего не сказал отец Митрофан, молча продолжал он пить чай и только опустил голову.

– Нет уж, покорно благодарю! – энергично продолжила матушка и даже стукнула пальцем по краю стола. – Для этого будет свое время. А теперь мы должны о детях подумать, которые подрастают. Не женский же монастырь нам в своем доме устраивать. Верочка уже совсем невестой стала, с осени семнадцатый год пошел, давно пора ее показывать. Да и Дуняше два месяца до шестнадцати осталось. Сам знаешь, Дуняша у нас не очень казиста, надо женихов-то исподволь приваживать.

Больного, видно, места коснулась матушка и еще больше рассердилась, теперь уже больше сама на себя. Она встала из-за стола и громко добавила:

– А то он: на-ка! Видите ли, «суетливости не люблю»! Скажите на милость! Нет уж, позвольте нам тут действовать! Мы лучше знаем, что нам делать!

– Да ну, ну! Я ведь это так сказал. Делайте, как знаете, – испуганно махнув рукою и с виноватым видом ответил отец Митрофан. – Устал в приходе, ну и сказалось. А ты уж пошла... Налей-ка еще стаканчик чайку, – добродушно закончил он.

– То-то, – торжествующе проговорила матушка и, налив стакан чаю, все же с обидой вышла из комнаты.

---

¹ В новой литературной обработке.

Ах, если бы знала матушка Васса Никаноровна, что означает для ее воспитанниц строптивость по отношению к словам священника в эти святые рождественские дни и какое крестоношение ждет их вскоре, после устроенных против воли отца Митрофана веселых смотрин...

Отец Митрофан, высокий, благообразного вида священник с большой, длинной бородой и с густыми волосами, плотно сложенный и, по-видимому, обладающий значительной физической силой, производил на всех обаятельное впечатление со своей добродушной улыбкой, которая у него никогда не сходила с лица.

Всегдашняя доброта отца Митрофана, его приветливость решительно ко всему и всецелая, беззаветная преданность великому делу пастырства были настолько для всех ощутительны, что прихожане от мала до велика просто души не чаяли в своем батюшке.

«Наш добрый, добрый батюшка!» – иного названия не было отцу Митрофану во всем приходе. С лишком двадцать лет священствовал отец Митрофан в Белых Гарах. Сжился он за это время со своими прихожанами, полюбил их и знал всех по имени. Даже малых ребятешек почти всех называл по имени; когда бывал с требой в чьем-либо доме, редко кого забудет. И ценили прихожане священника, и искренно любили его в простоте своего сердца.

Особенно же любили отца Митрофана ребяташки. Для них он являлся прямо кумиром! И малыши, и подростки сбегались со всех сторон, как только узнавали, что он приехал в деревню. Ласкаются к нему, обращаются с разными детскими вопросами, берут его руки и целуют. А веселыми, невинными глазами так и впиваются в добродушное, всегда улыбающееся лицо отца Митрофана. И сам он обнимает ребяташек. Кого по растрепанной голове погладит, кого по спине любовно похлопает. Всех приласкает. Бабы обыкновенно отгоняют ребяташек, боясь, чтобы они не надоели дорогому батюшке и не помешали ему поговорить со взрослыми. Но отец Митрофан всегда ласково говорил:

– Не троньте их! Пускай, они мне не мешают!

И женщинам любо-дорого, что батюшка ласкает их ребяташек.

Внутренний распорядок в доме отца Митрофана всецело держался его женою. Тут он уже ни во что не вмешивался, так как хорошо знал, что все равно его не послушают. Конечно, иногда батюшка невольно и выскажет свое мнение, но если видит, что все это не нравится матушке, то и сейчас же скажет примирительно: «Ну-ну, это я так! Думал, хорошо будет! Делай сама, как знаешь. Я не мешаюсь». И матушка Васса Никаноровна знала, что делала. Про нее во всей округе говорили: «Матушка Васса умеет дом держать! Умеет и гостей принять!».

Довольно миловидная на лицо, среднего роста, коренастая, с плавными движениями, она всюду, где ни появлялась, вселяла уверенность, что ее действия и распоряжения безошибочны и целесообразны. Она и сама всегда была в этом уверена. Отличаясь по природе наблюдательностью и изрядной долей здравого «житейского» смысла, она знала цену решительно всему, легко, как ей казалось, умела определять достоинство людей и встать к каждому в должные, выгодные для нее отношения.

***

Детей у отца Митрофана, кроме единственной дочери Дуняши, не было. Дуняша училась в последнем классе епархиального училища. Здоровая и крепкая, как мать, лицом она была некрасива, хотя и не безобразна. Главным недостатком, который портил ее лик, были довольно пухлые губы. Когда она молчала, то казалась как будто весьма чем-то недовольной. Дуняша хорошо сознавала, что она некрасива, и бессознательно чувствовала, что едва ли ей в жизни представится возможность иметь опору в чьей-либо мужской руке, чтобы вдвоем с суженым разделить радости и тяготы жизни. Но, умная и трудолюбивая, как мать, добродушная и ласковая, как отец, она не тяготилась, однако, своим физическим недостатком. Она просто свыклась с ним.

Учась последний год в училище, Дуняша мечтала быть сельской учительницей и в разговорах с подругами часто высказывалась, что учительствовать ей придется, быть может, всю долгую жизнь.

В семье отца Митрофана жила еще одна девушка – его племянница Верочка, дочь его умершей сестры, вдовы незначительного чиновника казенной палаты. Одиннадцати лет отроду Верочка осталась круглой сиротой. Кое-какие близкие родственники со стороны отца и были у нее, но все они – бедняки, которые едва перебивались собственными семьями. Приютиться поэтому одиннадцатилетней сиротке было почти негде. Отец Митрофан по своей всегдашней доброте и решил взять Верочку к себе, как бы в дочери. Имущество же, которое осталось после смерти ее матери, отец Митрофан частично продал или роздал родным, а кое-что забрал и увез к себе на хранение – на случай, если когда-нибудь пригодится Верочке.

Приняв на себя заботу о племяннице, отец Митрофан устроил ее на время учебы на квартиру у одного многодетного родственника, городского диакона. Училась она в гимназии – в том же городе, где было местное епархиальное училище. А на каникулы и в выходные приезжала в деревенский дом отца Митрофана, который стал ей родным.

Верочка Серебрякова (такова была ее фамилия) и раньше, до своего сиротства, не раз гостила у своего дяди, отца Митрофана, в деревне. А потому Дуняшу она давно знала и была с ней в дружбе. Дядю же и тетю она любила как своих родителей. И вполне довольна была бы Верочка своим положением, если бы не мысли о преждевременной кончине ее мамы, которые часто томили ей сердце. Но маму постаралась заменить добрая Васса Никаноровна. А отца своего Верочка совсем не помнила – когда он умер, ей шел второй год.

У отца Митрофана девочке жилось хорошо. В этом доме она незаметно выросла и превратилась в стройную и красивую, жизнерадостную девушку. Будучи в последнем классе гимназии, Верочка имела определенное намерение по окончании гимназии продолжать свое образование на высших педагогических курсах, чтобы поступить затем учительницей в родную

гимназию. Намерение это постепенно крепло, и, когда Верочка окончила гимназический курс, оно окончательно созрело. В деревню к дяде Верочка поехала уже с твердым намерением во что бы то ни стало осуществить свой план ближайшей осенью. Так думала Верочка, но не так вышло на самом деле...

По приезде в деревню тонкая и эмоционально настроенная девушка душою сразу же влилась в чудную сельскую природу, захватившую ее поэтический ум, и перспектива остаться в шумной суеде столицы на какое-то время потеряла для нее всякую привлекательность. А практичная Васса Никаноровна, заметив это, предложила:

– Отдохни, Верочка, эту зиму. Наберись побольше сил. А если будет у тебя желание, то на следующее лето справим тебя на курсы. К тому времени как раз и Дуняша окончит. Может, вместе и поедете... И нам с батюшкой будет веселее. А то все одни да одни! Оставайся, право!

Она с такой любовью посмотрела на Верочку, что та, не сдержавшись, порывисто бросилась ей на шею, горячо поцеловала и, ничего не сказав, быстро убежала из комнаты.

***

Отец Митрофан, усталый, спит сном праведника. Завтра ему опять надо будет славить целый день по приходу. Тихо в спальне, только изредка потрескивает лампадка в большом углу перед старинным киотом с иконами. Слабый свет ее тихо разливается по комнате и падает на изголовье кровати, которая находится под самыми иконами. В углу под киотом, на круглом деревянном столике лежит истрепанный и засаленный от долголетнего употребления молитвенник, а рядом с ним – толстый огарок восковой свечи. Лики Спасителя и Божией Матери как будто с любовью смотрят на спящего отца Митрофана. Словно помнят они, сколько раз за двадцать лет, стоя перед Ними с этим молитвенником в руках, проливал он слезы умиления

и возносил горячие молитвы о своих грехах и о людских невежествах. Много сердечных воздыханий о чужом горе, много пламенных благодарений за Божии благодеяния возносились у этого столика и днем и ночью. В самом воздухе спальни как будто носятся шептания священнических молитв, которые привлекают на людей неиссякаемую благодать Божию.

На задней стене, на вешалках – рясы и подрясники отца Митрофана, пропитанные кадилным дымом. Все они – немые свидетели ревностного служения батюшки Богу и людям. В складках облачений незримо таятся задушевные и сокровенные тайны духовных детей отца Митрофана, и эти тайны отец Митрофан возвещает Богу. Сколько раз широкие рукава этой священнической рясы любовно покрывали головы кающихся грешников! Сколько раз под их покрытием, при тихой молитве батюшки, падали с людских душ великие тяжести. Сколько счастья зарождалось под этими рукавами в душах вступающих в брачную жизнь через благословение Божие рукою отца Митрофана! Много тайн хранят эти одежды!

Тихо и безмятежно спит отец Митрофан. Может быть, во сне ревностная душа его возносит хвалу Богу! Такова его праведная жизнь!

Тихо спит отец Митрофан, словно и нет ему дела до того, что совершается в других комнатах, вдали от его тихой спальни. А там происходит нечто противоположное, к чему не лежит и с чем не мирится душа ревностного пастыря. Там – совершенно иная картина.

– Ну совершенный купидон! Матушки мои... Глаз оторвать нельзя, все бы и смотрела! С ума сведешь завтра кавалеров-то! – глядя на Верочку, одетую в самодельный маскарадный костюм, говорила просвирня Анна Егоровна, хлопая себя по бедрам и захлебываясь от восторга. – Крылышки-то, крылышки так и шевелятся! Матушки мои! Ан вон и улетит! – причитала Егоровна.

– Не кричи ты, Анна! Еще отца Митрофана разбудишь, – серьезно произнесла матушка, которая стояла на коленях на полу около Верочки с ножницами, чтобы удобнее было подровнять, где нужно, костюм.

– Ну, теперь, кажется, все готово! – наконец сказала она, вставая и оглядывая Верочку со всех сторон.

– Так ты уж, Анна Егоровна, приходи завтра помочь нам при гостях, – собираясь уходить, почтительно обратилась матушка к просвирне. – Без тебя-то что мы сами станем делать?

– Да как же, ненаглядные мои! – закланялась просвирня. – Приду, непременно приду.

– А ведь хорошо, что мама придумала маскарадные костюмы, – сказала Дуняша, когда матушка ушла спать и барышни остались одни. – Под маской свободнее себя чувствуешь. А то эти противные губы так стесняют, что не знаешь, что и говорить. То и думаешь, что с тобою говорят только из милости. А ведь под маской и я повеселюсь. Что делать! На папуску похожа! – тяжело вздохнув, но со смехом закончила Дуняша.

Верочка обняла ее и крепко поцеловала, прибавив:

– Ну, полно! Глупости!

Они немного помолчали.

– А у меня какое-то беспокойство начинается, – продолжала Верочка. – Я перестала думать о курсах... В самом деле, чего я выжидаю тут, в селе Белые Гари? Как будто гимназию кончила для того, чтобы никуда не двигаться? Право, как-то стыдно признаться, что отдыхаю здесь. Всякий подумает, что я напрасно год теряю, и сочтут за лентяйку. Пожалуй, скажут так, что глупеть начала.

– Ну, завтра повеселимся, а там видно будет, – успокоительно сказала Дуняша. – Приедет Саша из Дубняков с братом. Ты ее немного помнишь – веселая такая. И брат у нее хороший. Приедет отец Иван с матушкой и с ним брат отца Ивана, тоже семинарист. Будут семинаристы из Пугачихи. Там их, кажется, целая дюжина! Есть там Петруша Козырев. Препотешный!

– Ну, давай спать, мало ли есть на свете потешных. Мы ведь тоже препотешные, – приговорно зевая, сказала Верочка. – Надо к завтраму хорошо выспаться.

Самой же Верочке не спалось. Нахлынуло что-то и как будто затягивает. «Воля совсем теряется. Плынешь, точно волна какая несет тебя, и сил нет. Да, кажется, и охоты нет противиться ей! Куда несет? Не все ли равно? Куда-нибудь да вынесет! Но ведь цель жизни теряться начинает, – думала тревожно Верочка. – Живешь изо дня в день – и все одно и то же! Сытно, тепло, по временам развлечения. Иногда в гости съездишь. А впереди?»

Мысли Верочки перепутались, и она стала дремать. Засыпая, думала: «Тетя говорит: “Не отшельницами же вам быть с Дуняшей”. Ну а что же? Судьбу свою ждать? Суженого? Его, говорят, и конем не объедешь. Да и дело все в том, где поедешь. Если здесь будешь сидеть да с семинаристами маскарады устраивать, так нечего тут на коне объезжать суженого – как раз за священника или диакона угодишь! А там сиди век свой в какой-нибудь Глухарихе, – тяжело вздохнула Верочка, – и сама будешь рада-радешенька устраивать для кого-нибудь маскарады...».

– Вставать пора, Верочка! – прибежала Дуняша и начала тормошить заспавшуюся подругу. – Вставай! Я уже давно и кофе напилась, и на улицу сбегала, и кружева к рукавам платья пришила. Папа давно уехал, и мы одни с мамой. Десять часов, вставай скорее! Ведь после двенадцати надо быть совсем готовыми к встрече гостей. Отец Иван Варнавин с матушкой у нас с двух часов бывает.

– Эх, как тебя захватило! – энергично потягиваясь, весело ответила совсем проснувшаяся Верочка и начала быстро одеваться.

Комнаты дома отца Митрофана приняли торжественный вид. Все, чем можно было блеснуть пред гостями, Васса Никаноровна умела выставить напоказ. Мебель была покрыта накидочками и ковриками искусной, изящной работы, как ее собственных рук, так и дочери и племянницы. В буфетном шкафу со стеклянной дверкой блеснул на виду не один серебряный чайный сервиз и золоченые большого формата тарелочки, подносы. На столах заботливо были расставлены вазочки со всевозможными печеньями и разного рода вареньем. Васса Никаноровна окинула все опытным взором и осталась довольна.

***

«Какой славный юноша этот высокий неизвестный! И какой умный. Вот с кем бы не скучно было проводить время! Кажется, может поговорить решительно обо всем. И как все интересно рассказывает! А голос какой приятный, ласкающий – так и вызывает доверие. И внешне очень хорош, даже несмотря на то, что лицо его скрывает маска. Кажется, это семинарист. Но откуда и кто он, не сказал. С тем, говорит, и приехал, чтобы не открываться. Нельзя, их четверо. Уговорились они...»

Все четверо неизвестных были в масках, и за весь вечер никто так от них и не допытался, кто они и откуда. Весь вечер они без усталости танцевали. И выпивать не отказывались. Повеселившись до полуночи, а затем поблагодарив хозяев, уехали в ночь.

«Да кто же это и откуда?» – тщетно искала ответа Верочка и не находила. Да и найти этот ответ было трудно. В село Залесье, в десяти верстах от Белых Гарей, к диакону Гавриилу Заведееву приехал на Святки брат, семинарист пятого класса Андрей Иванович. Отец диакон служил в Залесье только второй год после окончания семинарского курса. Приехал он издали, ни с кем еще не познакомился и ни у кого из местного духовенства в гостях не бывал. Соседи знали, что есть в селе Залесье диакон Гавриил Заведеев, но, каков он, что за человек, никто не знал, да и не интересовался никто. А человек отец Гавриил был очень хороший – умный, благодушный, общительный. Любил поговорить о высоких материях, но как человек молодой и притом новый, он не находил себе единомышленников.

Вот к этому-то дьякону, когда у него на Святках гостил брат Андрей, приехали из соседнего села за восемь верст двое знакомых ему семинаристов-шестиклассников, чтобы провести денек-другой. Когда Заведеев был еще в шестом классе семинарии, они были в пятом и дружили с ним. Теперь же с удовольствием прибыли навестить на праздник приятеля. Приехал к ним еще и четырехклассник, сын псаломщика из того же села.

Во время этого кратковременного пребывания у Заведеевых семинаристы как-то случайно узнали, что в Белых Гарах у отца Митрофана состоится большая вечеринка и будет много приглашенных, а значит, и веселья хватит на всех.

– Съездим-ка, братцы, – сказал один из семинаристов, – лишние не будем. Никто нас там не знает. Несомненно, на вечеринке будут и семинаристы. Чтобы не быть узванными ими, хорошо замаскируемся.

Сказано – сделано.

Матушка-дьяконица сделала из черного коленкора четыре отлично закрывающих лицо маски, в селе раздобыли у крестьянских парней четыре кумачовых рубахи – и костюмы были готовы. В них решительно нельзя было узнать даже хорошо знакомого человека.

Семинаристы решили строго сохранять свое инкогнито и, чтобы никто не узнал, откуда они прибыли, поехали на вечеринку без кучера, который мог бы нечаянно проболтаться. Приехав в Белые Гари, они поставили лошадь на чужом дворе, у псаломщика, задав ей побольше

корму. Явившись в дом отца Митрофана в самый разгар веселья, четверо одинаково одетых и замаскированных молодых людей произвели полную сенсацию среди гостей и хозяев. Непридуманно разговаривая со всеми и отвечая на разные вопросы, новоприбывшие лишь упорно молчали о том, кто они и откуда прибыли. Даже барышни никакими хитростями не могли выпытать у них эту тайну. Все, разумеется, догадывались, что это семинаристы, но и только. Семинаристы из ближних сел были все налицо, а новеньких никто не мог узнать, и от этого интерес к ним все увеличивался.

Весело и беззаботно проводили время неизвестные. Однако для одного из них этот памятный вечер оказался роковым – именно сегодня молодой человек, сам того не ведая, взвалил на себя тяжкий крест, который ему пришлось донести до самой могилы.

***

Верочка Серебрякова, племянница отца Митрофана, была привлекательнее всех местных барышень, гостивших в этот день в доме Вассы Никаноровны. В течение всего святочного вечера она отдавала предпочтение одному из неизвестных семинаристов, а именно Андрею Ивановичу Заведееву. Он показался ей настолько интересным и привлекательным, что она даже попросила его открыть свое лицо. Так как Андрей Заведеев был из дальнего уезда и в этих краях находился в первый раз, то его, конечно, здесь никто не знал. Поэтому он охотно снял перед Верочкой свою маску. Всего на одну минутку. Увидев красивое лицо своего собеседника, Верочка была приятно удивлена, и не было ничего странного в том, что после этого знакомства молодые люди по-особенному крепко пожали друг другу руки.

Это рукопожатие и стало для Андрея роковым. Несмотря на двадцатилетний возраст, сердце его еще ни разу не трепетало так странно, хотя он уже много раз встречался с барышнями, среди которых были и очень красивые. Даже гораздо красивее этой барышни – хозяйки дома. Но как будто именно ее и ждало его сердце. Ей отдалось оно сразу, безраздельно.

Так ничего о взаимном влечении и не сказали друг другу молодые люди, но одинаково тонко почувствовали при расставании, что они – свои. Андрей Иванович уехал с того вечера с измененным сознанием. До сих пор он всецело был занят семинарской учебой и совершенно не думал о том, что ждет его впереди. Теперь же на всякую его деятельность чувство, охватившее его, набрасывало особый колорит, сообщавший будущему некоторую определенность. Андрей Иванович был уверен, что с этой барышней они созданы друг для друга.

***

Время шло своим чередом.

Андрей Иванович Заведеев в самые горячие дни учебных занятий в семинарии и в среде шумной и беззаботной жизни учащегося юношества носил в себе свою заветную тайну. Теперь он уже не представлял себя одиноким и думал, что учится в семинарии не для себя только, а и для той, близкой ему.

Жизни без нее уже не было. И от сознания этого на душе у Андрея Заведеева было восторженно, радостно.

Так проходило время. Приближалось уже окончание курса. Андрей чувствовал себя наверху счастья, будучи уверен, что скоро осуществится его заветная мечта, которую он носит в сердце вот уже полтора года: милый образ, так широко захвативший его жизнь, скоро станет реальностью и сделает легким и радостным его жизненный путь. Почти каждый день Андрей заходил, хотя бы ненадолго, в приходскую церковь и горячо молился о себе и о той, которая должна была разделить с ним радость и горе до конца жизни.

Он живо представлял себе ее. Вот она стоит перед ним, и ясный взгляд ее глаз говорит ему: «Да, я пойду с тобой по жизни и никогда не покину тебя» – и от этого радостно, хорошо делалось у него на душе. Все мечты о продолжении образования в высшем учебном заведении, которые когда-то сильно занимали Заведеева, теперь были им совершенно оставлены. Его всецело захватило другое... Он начал горячо говорить товарищам о святости и величии пастырского служения и о том, что не следует оттягивать время своего вступления в это великое служение.

«Молодой, только что со школьной скамьи, еще не испорченный жизнью, с идеальными взглядами пастырь, – говорил Заведеев, – сразу же свято отнесется к своему высокому служению и сопряженным с ним обязанностям. Его непорочное сердце как бы непосредственно от Самого Бога будет воспринимать из Евангелия главы Живота Вечного. Он весь проникнется апостольским духом и неослабно, с дерзновением будет вещать Божественное учение словесному стаду...»

Товарищи поняли, что Андрей окончательно решил идти на служение Богу в сане священника. Так оно и было на самом деле. Заведеев действительно готовился вступить на этот святой, великий, но вместе с тем и тернистый путь. Проповедуя товарищам в семинарии о величии пастырского служения, он в последнее время так возогрел в себе желание пастырства, что по окончании курса сразу же подал прошение о назначении его на священническое место и через полтора месяца уже получил указ консистории.

Прочитав указ, Андрей Иванович было искренно обрадовался, но вдруг пришел в крайнее смущение. И было отчего. Только теперь он сообразил, насколько смешон и наивен; ведь он имеет невесту, образ которой носит в своей душе второй год, даже не зная ее имени! Но непростительнее всего было то, что, тщательно скрывая от всех всецело захватившее его чувство к случайно встреченной барышне, он никогда не навел о ней справок, чтобы не выдать себя, и теперь не знал, свободна она или нет. «А что если она уже вышла замуж? – ужаснулся Андрей. – Ведь идет уже второй год! Что тогда будет?» И на душе его стало холодно и тоскливо. «Да что же это я, наконец! – одумался он. – Ведь надо действовать. И как можно скорее!»

В тот вечер Андрей написал подробное письмо отцу Митрофану Радугину в Белые Гари, в котором говорил, что получил священническое место и желает жениться на его дочери, руки которой он просит теперь для скорости письменно. Лично явиться в Белые Гари Андрей Иванович обещал через несколько дней. Ответ же просил послать на его имя в село Залесье дьякону Гавриилу Ивановичу Заведееву.

Отправив письмо, он начал собираться в поездку в Белые Гари и целыми днями только и думал о том, как встретит его невеста, которую он так долго ждал.

***

Получив письмо, отец Митрофан сильно удивился, что какой-то ему совершенно неизвестный Андрей Иванович Заведеев просит руки его дочери. «Хорошо, что претендент в зятя поступает в священники. Это меня радует, – думал отец Митрофан. – Будем служить Богу, а главное, будет кому нас помянуть! Свой молитвенник – великое дело! А что вот Верочка?! Вышла за инспектора народных училищ. Живут в городе, ходят по театрам накануне праздников. Сама пишет, что жаль тихой жизни».

«Так! Значит, Андрей Иванович Заведеев! – произнес, рассуждая сам с собой, отец Митрофан. – Ладно. Что вот мать только скажет? Как решит? А я что? Я – ничего, если хороший человек. С Богом! Главное же – в священники» – и, запев вполголоса «Кто Бог великий, яко Бог наш!», отец Митрофан пошел в другую комнату, где находились матушка с Дуняшей за какой-то работой.

– Вот, мать, письмо получил. Читай-ка. Что скажешь? – говорил он. – Подумайте, потолкуйте, да и решите сами. Ответ нужен немедленный.

Отец Митрофан медленно вышел, а Васса Никаноровна принялась за чтение письма.

От первых же строк письма матушка пришла в сильное волнение. От неожиданности у нее даже задрожали руки.

– Твоей руки просят, Дуняша! – выпив воды и пройдясь два раза по комнате, наконец сказала матушка трогательно-дрожащим голосом и, подойдя к Дуняше, крепко и порывисто поцеловала ее.

Дуняша как-то кисло улыбнулась.

– Верно, по ошибке... – шутливо уронила она и затем прибавила уже серьезно: – Кому же я могла, правда, понравиться?

– А вот слушай! Сама увидишь, – и матушка начала вслух читать письмо:

«Достопочтеннейший отец Митрофан!

Назад тому полтора года я был у Вас на Святках, на вечере в числе замаскированных семинаристов. Но Вы и никто из ваших меня не знаете. А между тем с тех пор я не переставал о Вас думать. Вам это покажется, конечно, странным, и вполне естественно, но Вы поймете меня, когда я скажу, что Ваша дочь произвела на меня сильное впечатление. Я тогда же решил, что мне не надо лучшей подруги в жизни.

В настоящее время мне предоставлено священническое место в селе Вознесенском, что на Высокой горе, и указ на вступление в брак мною уже получен. Итак, время пришло, и я прошу руки Вашей дочери. Не откажите.

Письменный ответ прошу прислать на мое имя в село Залесье, к моему брату Гавриилу Ивановичу Заведееву. А через несколько дней я приеду к Вам лично.

В ожидании ответа с глубоким почтением к Вам имею честь быть Андреем Заведеевым».

– Вот они, замаскированные-то! – в волнении заговорила матушка. – Помнишь, Дуняша, никто не мог их узнать. Всяко пытались, но ни один не проговорился! Повеселились, да и уехали! А вот один из них свою судьбу здесь нашел. Истинно, суженого и конем не объедешь!

– Не знаю, мамочка! Мне кажется, что тут как будто что-то не то, – в недоумении сказала Дуняша. – Зачем, в самом деле, обманываться? Ведь ты сама знаешь, что никому нет охоты увлекаться мною? Ужели ты, – продолжала Дуняша, – можешь думать, что я кому-нибудь понравилась? И понравилась настолько, что обо мне только и думали целых полтора года. Лучше ему, видишь, и не надо подруги жизни. Нечего сказать, нашел красавицу! Умора, да и только. Это, я скажу тебе, мамочка, или сам он на обезьяну похож, или же совершенно глупый! За того и за другого кто замуж пойдет? Вот он и метит таких уродин, как я.

– Полно пустое говорить! – возразила матушка. – И совсем ты не уродина! Посмотри-ка вон! Совершенно безобразные и те выходят замуж. И живут счастливо. Да еще важничают как! За примером ходить недалеко. Матушку отца Петра, из Котлова, знаешь? Ведь уродина уродиной, – с явным пристрастием рассуждала Васса Никаноровна, – а отец Петр: «Нюрочка» да «Нюрочка!» – точно лучше ее для него на свете никого нет. А ведь сам мужчина видный! Так что не говори пустого! Уж если делают тебе такое решительное предложение, значит, ты понравилась чем-то?

– Конечно, есть и хуже меня, – согласилась Дуняша, – но трудно поверить, чтобы этот самый Андрей Заведеев за всю свою жизнь не встречал ничего лучшего. Будь правдива, мамочка! В моей наружности трудно найти что-нибудь привлекательное, а хорошие, душевные качества если бы у меня и были, то случайный замаскированный семинарист едва ли успел в какой-нибудь час заметить и достаточно оценить их.

– Ну, об этом толковать много нечего! – начиная горячиться, заявила матушка. – Значит, что-нибудь да понравилось жениху! Решай вот, да отцу ответ дать надо. Видишь, требует безотлагательно. Дякона-то Гавриила Заведеева из Залесья, – задумчиво прибавила матушка, –

я видела: видный мужчина. Если и брат похож на него, значит, он очень красивый. Так что ты скажешь, Дуняша? – остановилась она перед дочерью. – Ведь Сам Бог посылает жениха!

– Да я, конечно, не давала обет безбрачия, – раздумчиво ответила Дуняша. – Но заочно дать слово не могу. Как приедет, тогда и видно будет. За урода или за какого-нибудь неряху, а тем более за невоздержанного в напитках, прямо скажу, не пойду. Лучше век учительницей быть, чем всю жизнь переживать свою тяжелую, горькую долю с нелюбимым человеком.

В тот же вечер в Залесье было послано письмо. Отец Митрофан приглашал Андрея Ивановича к себе, уверяя, что он и его семья очень польщены предложением руки и сердца его дочери. Родители действительно были в высшей степени рады, что находится жених для Дуняши. Ведь столько времени никто даже не изъявлял желания сделать малейшее поползновение в этом направлении.

***

– Вот не ожидал я от тебя, Андрей, что ты сейчас же по окончании курса пойдешь в священники! – с удивлением говорил диакон Гавриил Заведеев только что прибывшему к нему брату. – Ведь ты в Академию все собирался поступать. Что же ты изменил свое решение? Конечно, я рад и отговаривать тебя не стану, но все-таки хочется знать причину перемены таких давнишних намерений.

– Невесту боюсь прозевать, – весело заговорил Андрей Иванович. – И ей, и мне долго ждать не стоит. А священство для меня всегда было привлекательно. Значит, одно к одному, и откладывать не стоит. Невеста моя тут по соседству, – продолжал он, – в Белых Гарях. Отца Митрофана дочь. Я уже писал, что приеду на днях. Вот вместе с тобой и поедем.

– Что за сказки ты рассказываешь! – удивился диакон. – Когда же ты познакомился со своей невестой? Ведь ты почти и не бывал у них. Где же ты успел узнать о ней?

– Отца Митрофана я видел, но семьи его не знаю! – прибавил после недолгого молчания диакон. – Кто же у него в семье есть?

– Да я, собственно, не знаю, велика ли семья отца Митрофана, – конфузливо ответил Андрей Иванович. – А с его дочкой я познакомился у них на вечере, в тот единственный раз, как гостил у вас на Святках.

– Значит, с тех пор вы переписывались?

– Ни одного письма не написали друг другу. Да я ничего и не слышал про свою невесту. Так же и она не знала, что я решил идти в священники и непременно жениться на ней.

– Что за чушь несешь, Андрей! – теперь уже заволновался диакон. – Друг друга не знаете, а браком сочетаться хочешь! Один раз встретил, ты был в маске и, по всей вероятности, не сказался, кто ты и откуда? Значит, она тебя совсем не знает. Ты тоже ее не знаешь, а только видел ее, может быть, танцевал с ней. А знаешь ли ты, как зовут-то ее, твою невесту? Пожалуй, и это забыл спросить?

– И правда, не знаю. В голову не приходило спросить об этом, – густо покраснев, сказал окончательно сконфуженный Андрей Иванович.

Диакон только руками развел и, комически изображая страдание на лице, посмотрел на жену.

– Ну уж, должно быть, и жар-птица твоя невеста, за которой мы намерены с тобой отправиться! А не надо ли каких особых приспособлений, чтобы изловить ее благополучно и посадить в клетку? – расхохотавшись наконец, закончил диакон.

– А вот увидишь, увидишь... – загадочно улыбаясь, сказал Андрей Иванович.

– Утро вечера мудренее, – заметил диакон. – Слышали начало удивительной сказки, дождемся и конца. А пора, пора уже спать.

Конца этой сказки диакон дождался через несколько дней, когда пришло письмо от отца Митрофана и когда они, пообедав, отправились в Белые Гари.

***

В доме отца Митрофана еще издали заметили подъезжающих гостей и приготовились к должной встрече. Матушка, Васса Никаноровна, постаралась принять торжественно важный вид. Она хотела показать, что они с выдачей дочери здесь в замужество не спешат, хотя, с другой стороны, и противиться не намерены, если жених соответствует невесте.

Кроткий отец Митрофан радушно встретил гостей при входе их в дом; матушка же вышла из другой комнаты уже тогда, когда отец Митрофан, излив все свои приветствия, поздоровался с прибывшими. Произошло взаимное представление. Прибывшие и хозяева остались взаимно довольны произведенным друг на друга впечатлением. Завязался обычный в таких случаях разговор: у кого какая родня, где она живет и где служит. Матушка отозвалась очень одобрительно о том, что Андрей Иванович задумал сразу же по окончании курса принять священнический сан, а то нынешние семинаристы не торопятся, да многие и совсем не имеют желания быть в духовном звании.

– Вы, отец диакон, – обратилась она к Заведееву, – тоже еще очень молодой. И не раскисаетесь, что рано встали на такой путь?

– Да я из-за невесты, – шутиливо ответил тот. – Боялся, чтобы не прозевать! Тоже вот, как брат, сразу же по окончании курса женился и сразу рукоположили во диакона.

Посреди этого разговора в комнату вошла Дуняша. Смущенная и растерявшаяся, она забыла все наставления матери относительно того, как надо держать себя при гостях. Да и было отчего. Она имела все данные думать, что жених должен оказаться или глуповатым, или уж очень неказистым и нескладным. А взглянув на него, она просто обомлела: перед ней был на редкость симпатичный и даже красивый молодой человек.

– Наша дочь! – взяв Дуняшу за руку, представила ее гостям Васса Никаноровна, а затем слегка пожурила: – Что ты так долго заставила ожидать тебя! Мы тут всю родню узнали друг от друга! Оказывается, отец диакон – родной брат Андрея Ивановича и наш близкий сосед. До Залесья от нас всего десять верст!

Васса Никаноровна внимательно взглянула на жениха. Андрей Иванович, вдруг смертельно побледневший, обтирал платком градом катившийся с лица холодный пот, и, когда Дуняша приблизилась к нему, он едва смог протянуть ей руку.

Все почему-то сразу почувствовали себя неловко, а жених еле-еле удерживался, чтобы не заплакать. Ужасное состояние, какое он переживал в эту минуту, описать было невозможно. До сих пор радостный, под влиянием ожидания скорой встречи с той, образ которой он так долго носил в своей душе, Андрей был теперь смертельно поражен в самое сердце и чувствовал, что силы его совершенно оставляют. Страшным усилием воли ему удалось, однако, сдержать отчаянный вопль, готовый вырваться из стесненной груди, и мало-помалу он овладел собой.

За эти несколько секунд Андрей пережил невыносимую душевную драму. Теперь все дорогое, обещавшее в его жизни одни только радости, без остатка погибло для него. Его давила нестерпимая мысль: «Все пропало». Но ужаснее всего было то, что это смертельное крушение, в котором бесповоротно погибало его счастье, необходимо было скрыть от всех! Надо было показать вид, что ничего особенного не случилось, а произошла неловкость, неожиданно произведшая во всех некоторое смущение.

«Но и после крушения надо жить! – неслось в голове Андрея Ивановича помимо его сознания. – Господи, помоги мне все принять со смирением. Жизнь моя будет теперь крестоношением. Но, видимо, промыслом Божиим уготовано мне это испытание...»

Однако перед его внутренним взором стояла другая невеста, которую пленилось и жило полтора года его сердце и мечты о которой изменили намеченный им ранее план жизни. Насколько та была очаровательна и мила, настолько эта прямо противоположна. И это чувство надо было скрыть! Как мимолетная молния отдаленной грозы еще мелькала в душе Андрея Ивановича надежда на то, что его желанная невеста, другая дочь отца Митрофана, появится вдруг в этой комнате или же он узнает, что она в данный момент отсутствует и находится где-нибудь в гостях у родственников или знакомых. Но такое предположение ему самому казалось совершенно нелепым – как же, ждали жениха к определенному времени, а невесту в гости отпустили? И тоска все больше и больше овладевала его сердцем.

«А может быть, она заболела и сейчас кто-нибудь скажет об этом?» – еще одна мысль робко блеснула в его сознании.

– Единственная у нас дочь! – похлопывая Дуняшу по плечу и расплываясь в улыбке, громко сказала Васса Никаноровна, желая этим, очевидно, подчеркнуть, что невеста, Дуняша, – не бедная.

– Единственная! Других детей у нас не было... – как бы торжественно подчеркнула матушка.

«Кто же та, другая, которая навсегда пленила мое сердце? – жгучий вопрос повис в сознании Андрея. – Как же я был тогда ослеплен, что даже не потрудился узнать имени той, которую решил назвать своей! А ведь это было так просто! – думалось Андрею Ивановичу. – Стоило только спросить у нее, кто она такая и как ее имя, тогда счастье мое было бы обеспечено». Она сама в тот вечер высказала ему явные признаки расположения и даже попросила показать из-под маски лицо. Он ясно и живо помнит, как после этого они нежно пожали друг другу руки и этим как бы навсегда скрепили союз, не оформленный словами. Очарованные друг другом, они почти молча сидели рядом, лишь по необходимости перебрасываясь немногими фразами, несколько не относящимися к их душевному состоянию.

«Что же делать? Как выяснить положение?! На что решиться?» – вихрем неслось в голове Андрея Ивановича. Он чувствовал, что эти страшные вопросы требуют немедленного, сиюминутного разрешения, и без решительного ответа на них жизнь его как бы останавливалась. «Что же, на самом деле, делать? Узнать, где та, желанная невеста?» – снова блеснуло в его сознании. Но спросить об этом можно было только у отца Митрофана или его семейных. А сделать это было нельзя без кровного оскорбления всей семьи отца Митрофана, которая уже и без того смущена его крайне расстроенным видом и чувствует, несомненно, что Дуняша, а не кто другой, произвела на Андрея Ивановича неблагоприятное впечатление. «Прямо сказать, что я ошибся, – думалось Андрею, – тоже нельзя: сам же письмом просил у отца Митрофана руки его дочери! А ведь дочь-то у него оказалась единственная! Сознаться, что за дочь отца Митрофана я принял какую-то другую барышню? Спросят, кого же? Да и что подумают о человеке, столь легкомысленно решающем такой первостепенный жизненный вопрос, как выбор подруги жизни!»

«О, если бы знать, где та, другая? – мучился в душе Андрей Иванович. – Тогда для меня было бы все ясно. Знал бы, как поступить мне в теперешнем безвыходном положении! Тогда я честно сознался бы в своей непростительной ошибке и обратился бы к той, другой...»

– А у нас Дуняша собиралась на следующей неделе на Оку, – заговорила матушка, стараясь разнообразить разговор, чтобы чем-нибудь заинтересовать гостей и рассеять общую неловкость, которую испытывали все вследствие странной перемены, происшедшей с Андреем Ивановичем. – Там чудные места, как пишет племянница. Это наша воспитанница. Сиротой мы ее взяли лет двенадцати. Осталась, знаете ли, без отца и без матери! Училась уже в гимназии. Так у нас и выросла, и курс гимназии окончила. Росла вместе с Дуняшей. Собиралась было ехать учиться на высшие курсы, да все откладывала. Сначала мы думали, что с Дуняшей ей не хочется расставаться, а потом оказалось, сама не знает из-за чего. Дуняша стала ее звать ехать

на курсы вместе, и вдруг она решительно отказалась! Вот не угодно ли?! – развела руками матушка. – Да что-то захандрила и сама не своя стала... Ныне зимой, слава Богу, замуж выдали. За инспектора народных училищ. На Оку... Он был учителем гимназии, где Верочка училась, и человек хороший. Что же, казалось бы, надо радоваться. И должность видная. А она вдруг уперлась. Да так, что все диву дались. Не хочу, говорит, выходить замуж! Едва-едва уговорили, и то почти насильно принудили. А теперь вот живут хорошо. Письмо недавно прислала, зовет к себе Дуняшу погостить. На Оке, пишет, очень красиво, хорошо. Только скучает все что-то! Оттого и Дуняшу зовет!

Андрей Иванович слушал болтовню матушки, стараясь не пропустить ни одного слова. Он сразу понял, что Верочка, о которой идет речь, и есть желанная невеста, которая теперь потеряна для него навсегда. Она, как сладкая греза, мелькала теперь в его сознании и вследствие своей недостижимости постепенно вносила в его душу хоть какую-то определенность. И вот в душе Андрея стало крепнуть решение – подчиниться роковой неизбежности и спокойнее взглянуть на события настоящей тяжелой минуты.

Андрей Иванович теперь пристальнее взглянул на Дуняшу, и на душе у него где-то глубоко-глубоко затеплилось чувство жалости к ней. Да, отказаться от Дуняши значило бы без вины жестоко обидеть ее, а этого Андрей боялся больше всего. Ведь ему, если уж он решил идти в священники, разве не все равно? Надо же жениться! К тому же Дуняша и ее родители – самые близкие люди его так нежданно-негаданно потерянной невесте. «Что делать? Значит, Господь посылает жизненный крест!» – с горечью в сердце подумал Андрей Иванович и... мало-помалу стал принимать участие в разговорах с родителями Дуняши. «Да будет воля Божия! – решил он. – Понесу посланный крест мне безропотно. Господи, благослови!»

С переменой душевного настроения Андрея Ивановича всем стало легче и общая беседа о разных предметах пошла непринужденнее. Андрей вступил в разговор с Дуняшей, и ему так успешно удалось преодолеть все только что пережитые им тяжелые чувства, что в разговоре с ней он даже переходил иногда на шуточный тон.

Казалось, что предшествовавшее всему странное состояние Андрея можно было объяснить временным нездоровьем, которое как быстро наступило, так быстро и прошло. Никому, кроме одной Дуняши, и не пришло в голову подозревать истинную причину этого временного обстоятельства. Дуняша же сразу сообразила истинное положение дела. Она невольно вспомнила восторженные отзывы Верочки об одном из замаскированных семинаристов, бывших у них на вечере полтора года тому назад. С этим семинаристом Верочка не расставалась весь вечер и потом все время до самого замужества бредила своим неизвестным героем.

«Это, несомненно, он – Андрей Заведеев! Очевидно, с ним случилось то же, что и с Верочкой. Она так и не узнала, кто он; да и он не догадался спросить, кто она, приняв ее за дочь хозяина дома. Они оба мечтали друг о друге, ждали счастливого случая объясниться и... не дождались. О, Господи! Что же делать? – чуть не вслух простонала Дуняша. – Ведь разрубить этот так крепко затянутый узел придется мне!»

После наплыва тяжелых дум, с которыми ей было, видимо, трудно справиться, Дуняша даже встала и вышла из комнаты. Этим и решил воспользоваться Андрей и наконец заговорил о цели своего приезда. Сконфуженный, путаясь в словах, он сказал:

– Многоуважаемый батюшка отец Митрофан и матушка Васса Никаноровна! Я письменно уже просил у Вас руки Вашей дочери, а теперь подтверждаю это и словесно. Если ничего не имеете против меня лично и против того, что я хочу быть священником, то удостойте благоприятным ответом!

– Сердечно благодарим за честь, – в волнении сказала матушка, – рады выдать Дуняшу за священника. Но для окончательного решения дела все же надо спросить и ее согласия, – с веселой улыбкой закончила она.

Когда пришла Дуняша, ей объявили о сделанном официальном предложении Андрея Ивановича. Дуняша густо покраснела и совершенно для всех неожиданно спокойно попросила дать ей три дня на обдумывание.

***

– Что ты наделала, безрассудная! – журила по отъезде гостей Дуняшу до крайности возбужденная матушка. – Ведь другой на месте Андрея Ивановича прямо бы заявил, что если сейчас согласия не дают, то он найдет себе другую невесту.

Матушка от волнения даже не могла спокойно стоять на одном месте и, размахивая руками, быстрым шагом ходила по комнате.

– Женихов-то сколько времени ждем! – горячилась матушка. – Сама знаешь, выбирать-то не из кого. А тут такой видный, красивый мужчина, и вдруг она просит подождать!

– Не сердись, мамочка, и не брани меня, – сказала Дуняша, – мне и без того тяжело! Я в эти три дня успокоюсь, обдумаю все, и ответ мой будет разумным. Ведь решение этого вопроса – на всю жизнь! Не надо делать ошибок, а если почему-либо и случится ошибка, надо заблаговременно сообразить, можно ли будет в жизни с этим примириться.

– Ну, как знаешь! – махнув рукой, окончательно рассердилась матушка. – Многoму ныне вас учат в училище! Умнее родителей стали!

А Дуняша действительно оказалась умнее родителей. Затворившись в своей комнате, она начала серьезно обдумывать предложение Андрея.

И ей было о чем подумать!

Дуняша теперь хорошо понимала, что Андрей Иванович сейчас подтвердил словесно свое предложение только потому, что уже ранее сделал это письменно, когда вообразил другую невесту, которой в действительности не оказалось. И нет сомнения, что если бы он знал ее, Дуняшу, раньше, то никогда бы не сделал ей предложение быть его подругой жизни. А теперь вот против своего желания просит ее руки! Как тут быть? Об этом следует думать и думать.

Дуняша думала... Но что перечувствовала она за эти три дня – можно только догадываться. Однако в конце концов решение ею было принято, и в оправдание его она сочла необходимым обо всем написать сердечной подруге, Верочке, вместо которой Андрей по ошибке попросил руку и сердце у Дуняши.

Вот что написала она Верочке:

«Милая, дорогая Верочка! Ты не можешь представить себе, что я пережила за эту неделю. Нечто неправдоподобное окутало меня и вместе такое безвыходное, что можно просто сойти с ума. Во что бы то ни стало мне надо было выпутываться из этого ужасного положения – точно какой-то злой колдун устроил мне западню, из которой только два выхода, и оба худых. А выходить как-то все-таки надо было! Если прямо тебе сказать, что случилось, то тебе трудно будет понять это. Напишу лучше все по порядку, и тогда сама увидишь, ладно ли я поступила.

Знаешь ты меня хорошо, и покорность моя судьбе не подлежит перед тобой сомнению: наружность моя такова, что поневоле предашь себя воле Божией...

Родители ничего особенного не предпринимали для устройства моей судьбы, хотя мама и обнаруживала время от времени некоторые попытки “показать товар” – то к соседям куда-нибудь съездим, то к себе гостей пригласим. Само собой разумеется, что физические недостатки моей особы мама старалась затенить богатыми нарядами, дорогими украшениями и непременным заявлением, что я – единственная дочь в семье.

“Купцы” смотрели на “товар”, и иногда не в один прием, но никогда не приценивались. Так я спокойно и утвердилась на мысли, что быть мне вековой! Поэтому я при первой возможности решила идти в учительницы. И маму уже “уломала”, так что она дала наконец свое согласие.

Но человек предполагает, а Бог располагает. В один, может быть, и прекрасный, но роковой для меня день папа получил очень ясное и определенное, и в то же время странное письмо. Некий Андрей Иванович Заведеев, только что закончивший курс Духовной семинарии и уже получивший священническое место, просит моей руки и сердца, уверяя, что лучшей подруги в жизни ему не найти. Пишет, что меня хорошо знает и уверен, что отказа не будет. Он был у нас в числе замаскированных семинаристов на вечере. Помнишь, ты еще все бредила прекрасным незнакомцем после этого вечера? Так вот, Андрей Иванович просил папу дать немедленно ответ и обещал скоро быть лично. Конечно, ты не сомневаешься, что пригласительное письмо в тот же день было отправлено и начались ожидание жениха и подготовка к показанию в наилучшем виде “товара”.

Откровенно тебе скажу, это предложение быть подругой жизни будущего священника Андрея Заведеева, который меня знает, сразу же мне показалось направленным не по адресу, то есть какой-то странной ошибкой. Суди сама: ведь очень подозрительно, чтобы кто-либо пленился мною настолько, что для него лучшей подруги жизни, кроме меня, не требуется? Если видевший меня решил на мне жениться, то, естественно, думалось мне, он или урод какой, или совсем человек недалекий, которому трудно найти невесту без недостатков. Об этих предположениях я объявила маме.

Куда тут! Мама страшно рассердилась за такие глупые мысли. И вот приехал жених с братом диаконом. Я смотрела в щель из своей комнаты: диакон красивый, а жених еще красивее! Видный, здоровый брюнет, веселый, бойкий! Сразу защемило сердце. Ведь такой красивый молодой человек сознательно не мог сделать мне предложение, и я почему-то сразу убедилась, что жених приехал не по адресу.

Папа и мама встретили гостей. Слышно было, как они весело разговаривают. Я немного помедлила и вышла минут через десять. И... о, Боже! Когда мама представила меня жениху, с ним положительно сделалось дурно! Он побледнел и едва мог подать мне дрожащую руку. Не сказав ни слова, он стал нервно обтирать носовым платком катившийся у него с лица крупными каплями пот.

Всем стало неловко! А каково мне?

Оправившись немного, жених отчасти присматривался ко мне, отчасти посматривал на дверь, откуда я вышла. С этого времени я начала читать его мысли. Очевидно, он ждал, не выйдет ли из соседней комнаты та, лучше которой ему не нужно бы было подруги жизни. Так мне стало окончательно ясно, что он приехал не для меня! И знаешь, что я тогда подумала?

Мне пришло в голову, что этот молодой человек – тот, кем бредила ты, и, предполагая, что я твоя сестра, он ждет, что из другой комнаты скоро выйдешь именно ты. И я, кажется, не обманулась! Он стал немного спокойнее и начал смотреть веселее. А когда мама, конечно, с целью выставить невесту в лучшем виде, намекая этим на хорошее приданое, сказала, что я у них единственная дочь и что других детей у них не было, с женихом опять сделалось нехорошо! Он опять начал утираться платком и теперь смотрел на меня каким-то особенно безнадежным взглядом.

Мне стало очевидно, что он искал не моей руки и в моем сердце нужды ему не было.

Я видела, что он переживал крушение ожидаемого счастья, но как будто слабая надежда на что-то еще не покидала его. Но вот мама помянула о том, что на днях я чуть было не уехала к тебе, и сообщила гостям, что ты – племянница папы, которая жила у нас, так как с двенадцати лет осталась круглой сиротой. Окончила курс гимназии, хотела ехать на курсы, но потом что-то захандрила и раздумала. Нынче зимой едва выдали замуж: совсем не хотела выходить, да уж приневолили...

Ну кто же, хоть немножко знакомый с твоими прошлыми мечтами, не поймет, моя дорогая Верочка, что жених письменное предложение сделал тебе, а не мне? И стремительно прилетел из далеких краев, чтобы взять тебя от нас и с восторгом унести куда-то на “Высокую

гору”? Можно представить его душевную муку, когда он узнал, что тебя подменили! Никто, конечно, не мог догадаться об истинной причине всего происшедшего, хотя все видели, что с женихом почему-то дурно. Одна я только знала, что он навеки потерял свое счастье и теперь не знал, что ему делать. Наконец он оправился и даже сумел принять достойный для жениха вид. Но со мной сделалось дурно и, чтобы хоть немного прийти в себя, я вышла из комнаты.

Когда минут через десять я возвратилась, мне объявили нечто невообразимое и до того неправдоподобное и ошеломляющее, что на меня напал столбняк. Я лишилась способности понимать, что происходит: в моем сознании все перепуталось и вокруг словно все кружилось. Случилось то, чего я никак не ожидала. Андрей Иванович вошел в официальную роль жениха и напомнил родителям о цели своего приезда. Он торжественно попросил моей руки, о чем мне и сообщили папа и мама, да и он сам.

Представь себе мое удивление и, не скрою, даже негодование на жениха, сердце которого принадлежит другой и мне принадлежать не может. А он вдруг просит моей руки и сердца, к которым, несомненно, более чем равнодушен! Но и я, в свою очередь, удивила всех: попросила три дня, чтобы подумать о сделанном мне предложении.

Произошла, конечно, картина! Но иначе я не могла поступить. Надо было разобраться в этой удивительной истории, чтобы разумно занять в ней место. В эти три дня я пришла к заключению, что Андрей Иванович, видя для себя невозможность возвратить потерянную невесту, иначе говоря, тебя, и не желая выдать посторонним свою тайну, решился на тяжелый подвиг – действительно жениться на мне, соображая, по всей вероятности, что женятся ведь иногда и на более худших...

На третий день после долгих размышлений я написала ему отказ, в котором говорила, что счастье в жизни доставить ему не могу и сама быть счастливой с ним не имею решительно никаких данных. При этом просила оставить всякие с его стороны попытки повторить свое предложение.

Мама, конечно, была в высшей степени раздосадована на это и даже пролежала несколько дней в постели. Правда, у меня была мимолетная мысль пожалеть Андрея Ивановича и быть утешительницей в его жизни, иначе говоря, стать его женой, не рассчитывая с его стороны на искреннее, сердечное ко мне расположение. Но я нашла это в конце концов совершенно-таки нецелесообразным.

Итак, дорогая Верочка, рассуди теперь сама: хорошо ли я поступила? С нетерпением жду твоего правдивого и откровенного, без всякой утайки ответа.

Твоя горячо тебя любящая Дуня!».

Дуныша послала письмо, а события пошли далее своим чередом.

***

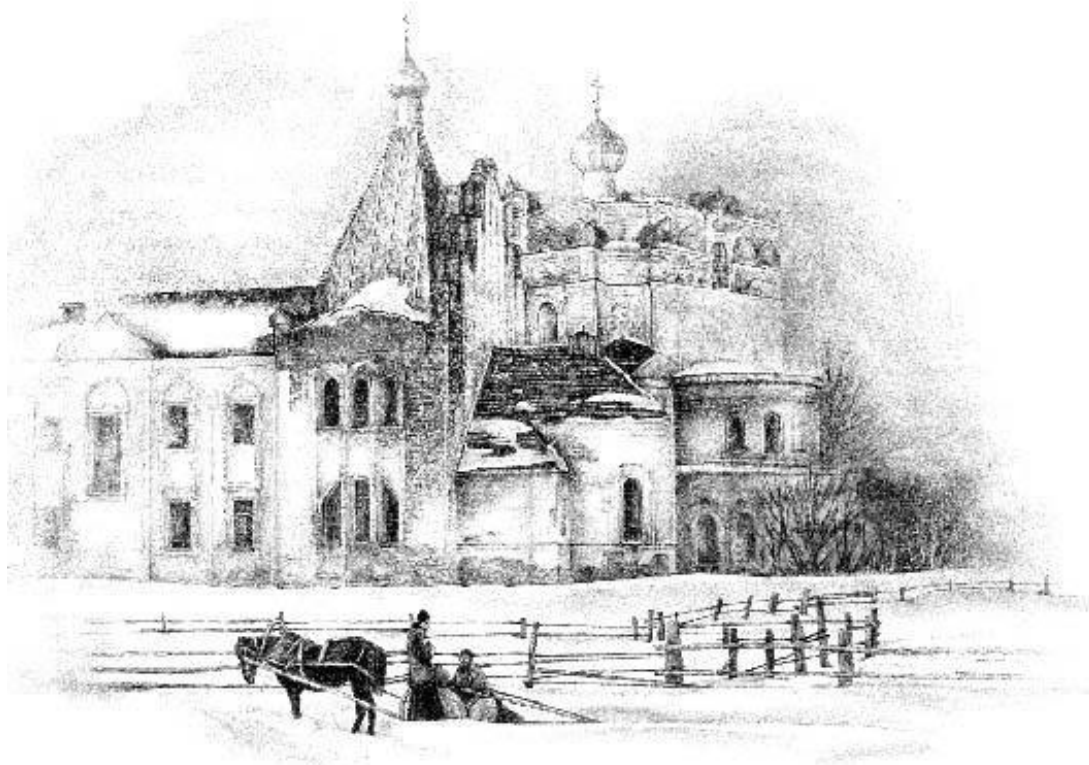
– Простите, Ваше Преосвященство, за великую вину мою перед Вами! – Андрей Заведеев повалился в ноги Преосвященному – добродушному старцу, искренно любимому всеми знавшими его.

– Что такое наделал?

– Не могу осуществить своего намерения. Отказываюсь от священнического места, представленного мне в селе Вознесенском, что на Высокой горе. К тому же священником быть совсем отдумал!

– Полно чудить-то! – опешил владыка. – Вставай да говори толком, что с тобой случилось? Ведь не преступление же какое, храни Бог, совершил? Или, может быть, не в меру себя подбодрил, да и начудил что, а теперь и боишься, что мне пожалуются на тебя? – и, приготовившись слушать, владыка опустил в кресло. – Рассказывай-ка, рассказывай! Да смотри, не

хитри, а выкладывай все как было. Сам понимаешь, никто не тянул тебя на откровенность, уж если пришел виниться, то не щади себя. Ну-ка, садись, да повествуй!

Владыка указал ему на стул.

– Нет, не начудил я, Ваше Преосвященство, и ничего предосудительного не сделал. А судьба начудила надо мною так, что у меня все жизненные планы спутались! Одно только ясно: жениться не могу и потому от священства отказываюсь.

С каким крайним удивлением посмотрел владыка на рассказчика; но ничего не сказал, давая ему свободу высказаться яснее.

– Я сам кругом виноват, – продолжал свою исповедь Андрей Иванович, – и понесу на себе крест безропотно. Боюсь только, что по моей вине и на других взвалены на всю жизнь немалые тяжести. Вот в чем моя ошибка, преосвященнейший владыка!

И Андрей Иванович подробно и откровенно рассказал все свои злоключения, происшедшие с ним из-за его легкомыслия. Окончив рассказ, он прибавил как бы в оправдание:

– Что было мне делать? Счастье разрушено, и восстановить его нельзя. А с другой стороны, передо мной невеста, руки которой я просил и которую заверил, что, кроме нее, на другой жениться не могу! Что же мне оставалось делать? Объяснить им свою ошибку? Но я кровно оскорбил бы ни в чем не повинных людей из-за моей глупой неосмотрительности, и к своему тяжкому горю прибавил бы только новое мучение совести, и был бы несчастен вдвойне! Я решил покориться необходимости, – лучше понести тягчайший жизненный крест, чем оскорбить неповинных, – и остался в роли жениха, о чем и напомнил всем присутствующим. Но, к общему удивлению, невеста попросила три дня срока на размышление о моем предложении, а на третий день послала письмом решительный и бесповоротный отказ, вполне поняв, по всей вероятности, мою ошибку и фальшивый способ действий для прикрытия этой ошибки.

– Великая умница! – сказал владыка, поднимая голову, в продолжение всего повествования склоненную на опиравшиеся на локти руки. – Ну, что же? Ищи другую невесту, если тут не вышло, – прибавил он, – а за откровенность спасибо! Видно, что ты хороший человек

по душе, но в жизни требуется строгая осмотрительность и разумность во всем. До сих пор ты был как наивное дитя.

– Простите, владыка, ради Бога, – заявил Андрей Иванович, – не примите это за глупое упрямство, но я уже не женюсь. Мое сердце поражено, и я не могу отдать его другой. Чувствую, что это было бы ничем не оправданной ложью, а со лживой душой что же за священник я был бы? Лучше останусь так и буду служить Богу как-нибудь иначе. Попытаюсь поступить в Академию, а там видно будет.

– Господь да направит твой путь, – ласково сказал владыка, – молись Богу, и Он тебя не оставит! Может быть, ты и не прав, – раздумчиво продолжал он. – Теперь, разумеется, тяжело. А там откроется другая жизнь, пойдешь по учебной службе, поумнеешь, повидеешь всяких людей, забудешь и теперешнюю неудачу, и, может быть, жизнь тебе улыбнется и принесет много радостей. Все совершается не без воли Божией. Только помни теперешний урок: поступил неразумно и поспешно, и вышел такой удар, от которого да поможет тебе Господь излечиться скорее!

Владыка опустил голову и задумался, тихо перебирая четки. А затем посмотрел на Заведеева каким-то испытывающим взглядом и продолжил:

– Под влиянием глубокой сердечной раны не пытайся броситься в противоположную крайность! Боже тебя сохрани от того, чтобы спешно и необдуманно принять монашество. Ныне многие молодые люди приобщаются к лику иноков во время академического курса. Заманчиво! Молодое воображение рисует широкую и почетную дорогу сразу же по окончании курса: начальственные должности в учебных заведениях, к тридцати годам, а то и раньше – архимандрит, а еще год-другой, и тебе уже, смотришь, поют «исполла эти деспота». Голова закружится! Такие-то быстрокрылые орлы в своем самомнении так высоко улетают, что нередко даже со многими академическими товарищами, случайно оказавшимися на службе у них в епархии, держат себя высокомерно: я, дескать, беспристрастен, никому предпочтения не даю. И невольно говорят правду, потому что, действительно, никому, кроме себя лично, предпочтения не дают. У тебя-то, видишь, на душе чисто и какие-то там благородные порывы! Ты, чтобы не обидеть введенных по твоей ошибке в заблуждение добрых людей, решился взять на себя страшный подвиг – жениться на девушке, которая тебе совсем не нравится. Когда же это, по разумному решению, оказалось для тебя не нужным, ты обрекаешь себя на безбрачие, боясь быть нечестным и вступать в брак с сердцем, плененным ранее другой. Вон как хорошо! Не испорти же свою душу неуместным стремлением к славе и почестям! Не торопись с принятием монашества: оно хорошо, но «Могий вместить, да вместит» – по Апостолу. А вместишь ли ты его? Этого определить у тебя данных нет. А ты готов броситься куда угодно, лишь бы заглушить свою сердечную рану. А когда рана затянется, тогда что будет? Вот дотерпи до заживания раны, и тогда сразу поймешь, как тебе поступить. А пока, брат, не торопись! Если нужда в чем будет, смело обращайся. Не откажу, – закончил владыка.

– Прошу не оставить, преосвященнейший владыка! – целуя руку владыки, со слезами произнес Заведеев. – Постараюсь поступить в Академию и приложу старание к занятиям. Не откажите в совете, если что спрошу письменно. А теперь от всей души благодарю за Ваше внимание ко мне, за добрые пожелания и советы!

– Господь да благословит тебя и управит на всякое благое дело, – произнес растроганный владыка, осеняя Андрея Ивановича крестным знаменем.

***

«Вот время-то летит как быстро! – говорил сам с собою Заведеев, охваченный изучением академических богословских и гуманитарных наук. – Не успеваешь сделать всего, что необходимо! Даже письма написать не удосуживаешься».

Времени действительно не хватало. Особенно много трудов уходило на чтение книг. Знания, сообщаемые на лекциях профессорами, как находил Заведеев, были то неудобопонятные, то голословны, а иногда заключали в себе некоторые противоречия. Вот и надо было все уяснить и пополнить академские знания дополнительным чтением.

Академская жизнь, в общем, нравилась Андрею, но он много находил в ней и непонятного. «Давно собираюсь написать владыке о здешнем академском монашестве, – рассуждал Заведеев. – Как он мудро все предсказал мне о молодых монахах! Действительно, глаза у большинства из них устремлены в высоту, но, кажется, не в небесную. Все они живут изолированно от прочих студентов, и у них особая жизнь и особые интересы: они сейчас уже смотрят на себя как на нечто высшее сравнительно с другими студентами, как-то нехотя вступают с ними в разговоры. Да и во всех их отношениях к другим студентам держат себя покровительственно. Да! Значит, голова начала кружиться! И начальство наше уже восхваляет монашество и намеренно подчеркивает быструю карьеру монашествующих, и славу, и почести, которых они легко могут достигнуть. Так и чувствуется, что это искусственное завлечение. Надо написать владыке».

– Что это ты, Андрей Иванович, торчишь за книгами, точно крот в своей норе? – обратился один раз к Заведееву товарищ по курсу, Зефиров. – Пойдем, проветримся немного. Кстати, сегодня праздник, а потому следует, безусловно, отдохнуть. Зайдем-ка к одному протоиерею, моему земляку, – продолжал Зефиров, с равнодушным видом глядя в окно, – прекраснейший человек, образованный, с широкими взглядами, любит поговорить! Знаю, он тебе очень понравится. Собирайся, право!

– Не хочется мне знакомства заводить, – как-то неопределенно ответил Андрей Иванович Заведеев, – да и неловко как-то: совсем незнакомый батюшка, ни дела для него нет, ни поводов к знакомству. Скажешь, что пришел познакомиться, а он вдруг спросит: с какой целью?

– Чудак ты и больше ничего, – засмеялся Зефиров, – сидишь вот только над книгами и так совсем оглупеешь! С какой целью, с какой целью... Разве подобные вопросы предлагают, когда приходят с визитом, чтобы с семьей познакомиться? Никто тебя ни о чем и спрашивать не будет, а будешь говорить то, что сам найдешь нужным.

***

– Вот будущая наша знаменитость, – с апломбом представив Заведеева, проговорил Зефиров толстому и небольшого роста протоиерею Гущину. – Все, что можно найти по известному вопросу, – найдет; что нужно прочитать, прочитает, что нужно выписать, непременно выпишет и аккуратно приобщит к ученым материалам, для справки. Великий ученый! Это теперь! А что будет потом? Во-с! – шутливо закончил он, раскрывая обе руки, точно для объятий.

Отец протоиерей благодушно улыбнулся в бороду и приветливо сказал:

– Милости просим, милости просим! Очень люблю ученых людей. С такими непонятное выяснишь и много нового от них узнаешь.

– Но я еще хочу только сделаться ученым, – скромно ответил Заведеев. – Лыщу себя надеждой научиться многому от Вас, а то и не пришел бы знакомиться.

– О-о! Язычок у Вас острый! – весело произнес хозяин дома. – Не в бровь, а в глаз метите!

– Господа, пожалуйста в столовую, – обратился к гостям какой-то рыжий господин развязного вида, в студенческой университетской тужурке.

– Кучумов! – отрекомендовался он Заведееву и, взяв под руку Зефирова, как давнишнего знакомого, вышел из комнаты.

За ним пошли хозяин и Заведеев.

– Вот этот совсем не хочет быть ученым, – мотнув головой на рыжего студента, сказал отец протоиерей. – У него свой талант: без умолку болтать о чем попало.

Хозяин представил Заведеева своей жене и трем барышням, из которых две были его дочери, а третья – их подруга.

– Вот тут, Андрей Иванович, ученость свою надлежит подальше спрятать, – с веселым смехом сказал Зефиров, – потому что барышни терпеть не могут ученых людей. А с другой стороны, и от этих отчаянных болтунов, у которых язык без всякого толка болтается во все стороны, охотно отворачиваются. Вроде вот таких, – и указал рукой на рыжего студента Кучумова.

– Что это за диво, что барышни и ученых, и болтунов не любят! – весело отвечал тот. – Вот у нас на Оке есть инспектор народных училищ. Так у него жена ученая и терпеть не может неученых! И согрешил же с ней супруг! Просто не знает, как подойти. Говорят, с самой свадьбы она ему как чужая! Все ученые книги читает и сама целые тетради исписывает.

Скоро подошли еще гости и составила довольно веселая компания. Вечер прошел оживленно. Но случайное напоминание рыжего студента о жене инспектора народных училищ на Оке испортило настроение Андрея Ивановича. Он ни на минуту не сомневался, что это была Верочка. И это напоминание раскрыло его сердечную рану, так что, возвратясь после вечера в Академию, он почувствовал невыносимую тоску. Он ясно сознавал, что его счастье потеряно. И потеряно навсегда. Его уже никогда не воротить, оно ушло, образовав в душе пустоту, которую совершенно нечем заполнить.

«Верочка, значит, тоже несет тяжесть креста, – думал он. – И она, покоровшись судьбе, осталась сердцем верна тому, которого не знала, но с которым однажды ощутила неразрывную связь навеки. Мечта о потерянном счастье владеет ее сознанием. Суровая необходимость заставляет ее раздваиваться: надо жить для семьи, а в душе семья другая, несостоявшаяся. И это уже навсегда, на всю жизнь! Как несказанно мила и очаровательна эта воображаемая в глубине ее души, скрытая от всех, тайная мечта о семье с другим! А действительная семья, подчиняясь неизбежности, остается только внешне благополучною...»

«Да! – содрогнулся от нахлынувших мыслей Заведеев. – Тяжел ее крест! Помоги ей Господи! Мой крест что в сравнении с этим? Мне неизмеримо легче: не приходится двоиться. Один я ношусь с милым образом в душе и испытываю муку, что оригинал этого образа для меня недостижим. Но сам я остаюсь, по крайней мере, свободным! Вся моя жизнь впереди! – думал Заведеев. – Однако, будешь вот так по гостям ходить, как сегодня, того и смотри, попадешься кому-нибудь случайно и не ведаючи окажешься в таком же двойственном крестоношении, как Верочка! Нет! Надо как-то обезопасить себя, – решил он. – А то уловлять будут. Да и с крестом своим справиться не знаешь как! – простонал Заведеев. – Все образ Верочки как живой стоит в воображении! Что бы ни делал, чем бы ни занимался, – он тут как тут! Ведь совершенно здоров, а до расстройства нервов, кажется, дойдешь! Главное – худо то, что иногда такая тоска нападает из-за навек утерянного счастья, что цель жизни расплывается...»

Что же за слепое стечение обстоятельств, что люди, которые друг без друга жить не могут по-настоящему и как бы предназначены составлять единую гармоническую жизнь, по каким-то причинам должны жить не только врозь, но еще и против воли, в соединении с людьми, ничего с ними общего по душе не имеющими? Для чего это? Что за игра судьбы на страдание людям?

Что за цель моего креста и креста Верочки? – жгла мысль голову Заведеева. – Да и Дуняша, отказавшись стать моей спутницей в жизни, осталась не без душевной тяжести на всю жизнь! Правда, крест Дуняши легче, но зачем он? Вот я – один, и весь в науку ушел. Надо бы, кажется, забыться, в приобретении знаний найти успокоение. И острота чувств давно должна бы притупиться. А, однако же, иногда бывает настолько невыносимо и тяжело, что весь мир становится не мил! Прямо болезненное состояние! Надо же его чем-нибудь излечить, заживить сердечную рану!»

Заведеев обратил взор на икону и, полагая на себя крестное знамение, возбужденно сказал вслух:

– *«Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко».* Я не перестаю молить Бога, а упокоения все нет, – и поник головой. – Знать, не умею просить! Верно, холодна моя молитва!

И в другие дни так же долго и упорно думал Андрей Иванович о своей участи и не находил ответов на мучительные мысли и вопросы. И от этого еще тяжелее и безнадежнее становилось у него на душе.

***

Старый лаврский иеромонах отец Савватий, сидя на деревянном табурете, бледными как у мертвеца губами едва считал бой стенных часов. Насчитал всего одиннадцать. Он неторопливо потер переносицу, передернул несколько раз костяшками четок и, медленно повернувшись к сидевшему на диване Андрею Ивановичу, сказал:

– Пробили свое и опять: тик-так, тик-так! Придет время, опять зазвонят, и зазвонят двенадцать, а потом опять. И каждый раз звонят, сколько нужно! И пробьют не больше и не меньше, а сколько нужно!

Отец Савватий задумался, а затем медленно продолжил:

– Так и в жизни человека: все идет своим чередом и ничего зря не происходит. Живешь спокойно, ровно, осмотрительно. Это и значит: «тик-так». Налетело чувство – в сердце зазвонило: радостное чувство зазвонило светло, горькое чувство зазвонило мрачно. Пролетела волна бурного чувства, и жизнь опять вошла в свое русло – опять «тик-так»! А пока живешь, все так и будет: то спокойная жизнь, то волнения. Если бы в жизни шло только «тик-так», то это была бы машина и ничего больше! Испортилась бы машина, перестало «тик-так», и конец машине – жизнь в ней кончилась навсегда. А человеческая жизнь – не машина, и человек волен управлять всем, что у него на душе появляется; он может чувства укротить, желание ослабить, ненужное прекратить и возбудить другое. Если чувство здоровое и ведет к славе Божией, а это уж человек определить может, то пусть оно в душе звонит, покуда само не утихнет! Если же это не во славу Божию, то все усилия нужно употребить, чтобы внутренняя жизнь опять пошла как «тик-так».

– Да что мне делать, батюшка, когда страшная тоска нападает и сладу с ней нет? – почти выкрикнул со стоном Андрей Иванович. – Ну, понимаете, образ, носимый мною в душе, настолько и до того ясен, что точно живой человек рядом со мной находится! А тут вот словно буря бушует! – ударив себя в грудь, простонал Андрей Иванович.

– А и пусть! – бесстрастно прошамкал отец Савватий. – Буре, значит, пришло время быть. А ты не опускай руки – стой против! Да еще говори: «Не боюсь! Все могу во укрепляющем меня Иисусе». Будешь бороться с бурей, она реже будет приходить к тебе, да и кратковременнее и слабее будет. А такая уж и не страшна.

– Да так, батюшка, но все же страшно, – глубоким голосом проговорил Андрей Иванович.

– Ведь и ты воин Христов! Чего боишься? – по-прежнему бесстрастно, как автомат, проговорил старец. – Не диво, что бывает буря: говорю, ей надо быть! Пройдет, и опять «тик-так»! Бывает, на улице дождик застанет. Скрываешься от него под какой-нибудь навес, чтобы тебя не промочило; переждешь дождик – остался сухой, и опять пошел куда надо. Тик-так!

– Да! Хорошо Вам говорить, батюшка, когда Вы все уже пережили и у Вас все прошло, – горячился Андрей Иванович и чуть из себя не выходил от спокойствия этой старой, как он думал, «деревяшки».

Заведеев, как и все, знавшие отца Савватия, уважал его как мудрого советника и уже давно пользовался его руководством для урегулирования своей мятущейся души, но его в

высшей степени раздражало совершенно естественное спокойствие этого, кажется, во всякую минуту уже готового рассыпаться старого человека.

– Вы все пережили, и Ваше сердце не способно волноваться, потому что Вы не чувствуете ни радости, ни горя. А мне что делать, когда горе вот тут так и палит, как огонь? – указывая на сердце и наклоняясь почти к лицу бесстрастного старца, простонал Заведеев.

– Да, я пережил, и Вы переживете, – отозвался отец Савватий. – Я волновался и перестал. И Вы перестанете. У меня все утихло в душе, и у Вас утихнет.

– Покорно Вас благодарю за такое утешение, спаси Вас Господи! – с волнением проговорил Андрей Иванович. – Тут человек горит, почти погибает, а Вы говорите: «Пройдет все, все переживете!». Да ведь нет мочи переживать, вот что, святой Вы человек! – уже весь дрожа от волнения, Заведеев как бы выбрасывал слова, совершенно не понимая, что он говорит. – Мне душно! Я словно задыхаюсь от какого-то внутреннего огня! Дайте мне хоть каплю охлаждения из вашего ледяного сердца, и я, может быть, сделаюсь таким же бесстрастным, как и Вы!

– А вот, – указывая почти безжизненным пальцем на икону Спасителя и Божией Матери, заговорил старец и в упор поглядел на Заведеева, – смотри на эти Образы, и капля охлаждения придет. У тебя в душе свой образ, и он жжет. А ты посмотри на эти Образа, и пламень в душе утихнет.

От отца Савватия Андрей Иванович вышел все же в каком-то неудовлетворенном состоянии. «Нет, безотлагательно пойду в монахи! Тогда уж поневоле начнется настоящая борьба. Обреку себя на подвиги, спать на голом полу буду, подвергну себя всевозможным ограничениям и лишениям. Наконец, вериги буду носить. И вот только тогда сокрушу себя, загашу внутренний огонь внешним огнем тяжелых лишений. А теперь что за борьба! Знаешь, что немонаху всякая борьба непродолжительна. Поэтому откладывать нечего – пойду в монахи!»

Решение это у Андрея Ивановича созрело окончательно и быстро. Через три дня он пришел к отцу Савватию с намерением не отступить от своего решения.

– Решил в монахи идти, – угрюмо сказал он, принимая благословение старца. – Благослови, отче!

Отец Савватий беззвучно пожевал губами и спокойно сказал:

– Нет! Не благословляю, – и даже не посмотрел на собеседника, а молча начал перебирать четки.

– Почему же?! – удивился тот.

– В монахи так не идут. Тут надо спокойно обдумать свое положение, оценить по достоинству принятое решение оставить мир и ясно определить: с любовью ли желаешь принять иноческий чин, для служения ли Богу без помех, или посторонние цели какие тут есть? А у Вас кипение в душе, – продолжал старец. – Говорите, что горит! Надо, стало быть, затушить внутренний пожар.

Отец Савватий замолчал. Закрыв глаза, он словно погрузился в свои мысли. А затем, тяжело вздохнув, тихо добавил, как бы рассуждая про себя:

– Значит, из огня поневоле готовы броситься куда Вам угодно...

Наступила тишина, которую нарушало лишь тяжелое дыхание Андрея Ивановича.

Это продолжалось несколько минут.

– Так нельзя! – не открывая глаз и спокойно перебирая четки, снова заговорил старец. – Примешь постриг – оттуда уже возврата нет и уклониться на сторону некуда. Сначала, по новости, как бы и забудешь все прежнее, так как надо учиться новому житию. Даже к новой одежде будешь присматриваться и по ней определять свою бедность. Подумаешь: «Вот все, что я имею, и теперь навек обречен на нищету!». Будешь размышлять о других обетах, данных тобою Христу. Но ты молод. Не успеешь навыкнуть, а вдруг огонь-то теперешний с новой силой захватит тебя и будет палить, нестерпимо палить. Теперь от огня хотите выскочить в монашество и в нем утушить жгучесть пламени. А тогда куда выскочите? Некуда! И гори, как в геенне огнен-

ной! А враг рода человеческого еще будет соблазнять благами мира сего, представляя тебе монашество просто заблуждением или твоей ошибкой. Нет! До монашества перегореть надо! – говорил старец, делая рукой неопределенный жест. – Надо успокоиться. Когда господствующее направление жизни пойдет ровно, тик-так, тик-так, вот тогда надо решаться на принятие монашества, – закончил старец и строго посмотрел на собеседника. – С огнем надо осторожно!

– Что же мне делать? – задорно возразил Заведеев. – А ну как в ожидании успокоения я совсем оставлю мысль о монашестве и останусь так? А ведь из меня, может, выйдет хороший монах. Сколько пользы церкви принес бы я! Без монашества же буду учителем семинарии и только. А в безвестности немного чего наделаешь.

– Надо же кому-нибудь и немного делать! – снова закрывая глаза и как бы весь уходя в себя, сказал отец Савватий. – В безвестности иногда больше можно принести пользы, чем стоя на виду у всех. Потерпите, поразмыслите! Теперь, говорю Вам, для Вас рано монашество принимать. Меня скоро не будет, – закончил отец Савватий, – но Вы помните, что торопиться с монашеством не следует. Оно не уйдет, если Богу угодно!

– Ну, спасибо, отец Савватий! Простите, ради Бога, что покой Ваш нарушаю, – подставляя руки под благословение, сказал Заведеев, – Вы устали. Отдохните, а я уже пойду.

– Бог да хранит Вас от всякого зла! – вставая с табурета и осеняя Заведеева крестным знаменем, говорил отец Савватий. – Пора бы давно моим костям на покой, да вот все живу! Всею свое время, и время всякой вещи под небом. И подождем своего времени: я своего, а Вы – своего!

***

«Да, мудрый был отец Савватий, Царство ему Небесное!» – думал Андрей Иванович Заведеев, осмотревшись на месте своей новой службы в одном из городов северной России.

Молодой учитель семинарии энергично и с любовью отдался весь новому делу и в новом положении почувствовал как будто облегчение своего креста. Но вечерами, особенно в праздники, ему почти всегда приходилось бывать среди молодежи, в гостях у кого-нибудь из сослуживцев, и тут особенно остро давала себя чувствовать бесповоротная потеря Верочки, образ которой с поразительной живостью вставал в его воображении как раз именно в такие вечера.

«Вот ведь искушение, как говорят монахи, – думал Заведеев, завязывая перед зеркалом галстук и поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. – И некогда бы идти, да и неохота, а идти надо. Сегодня вечер у владыки. Жена его давно умерла, а дочка в невестах ходит, и довольно недурненькая. Вот зовут веселиться, а какое от меня веселье? Если бы знали, что ни крупинки своего сердца я не могу отдать никому, то сразу бы оставили меня в покое. И вот изволь-ка умеючи себя держать! Тяжело так-то!» – закончил свои думы Заведеев и отправился в переднюю надевать пальто.

Местный владыка, из вдовых священников, поневоле жил полусемейной жизнью. Вдовым он остался с двумя сыновьями и маленькой дочерью. Сыновья по окончании курсов в высших учебных заведениях устроились на службах и жили в других городах самостоятельной жизнью. При владыке же осталась дочь и пожилая сестра – вдова чиновника.

Жил владыка уединенно от семьи и занимал парадные комнаты. Дочь с теткой и женской прислугой помещались в задних комнатах, окнами выходившими во двор. Все в женской половине происходило не без ведома владыки, но сам он ни во что не вмешивался. Дочка росла, окончила курс гимназии, и начались неизбежные приемы и выезды.

«Согрешение! – сознавался владыка ректору семинарии. – Как тут быть со всем этим? – разводил он руками. – Вы, отец ректор, везде бываете и знаете все житейское. Уж как-нибудь помогите мне. Ведь дочку надо выдать за приличного человека в замужество. Так уж, пожалуйста, устройте!»

И отец ректор принялся устраивать. Он подбивал несемейных учителей семинарии ходить на вечеринки, которые завел у себя дома, а временами собирались и у самого владыки – в задних комнатах, на женской половине.

– Пожалуйста, пожалуйста, Андрей Иванович! – весело говорил отец ректор, встречая Заведеева в покоях владыки. – Вот и наш ученый и будущий монах, – шутливо говорил он, подводя Андрея Ивановича к владыке. Сиднем все сидит за книгами, и только силой его можно оторвать от занятий.

– Какие там занятия! – скромно отвечал Заведеев. – Только еще присматриваюсь. Вот ознакомлюсь с учебниками и со всем учебным делом – и за ученые труды.

– И жизнь не надо забывать! Тоже надо присматриваться... – заметил владыка. – От жизни не уйдешь, не закупоришься, она тебя найдет, хотя и сам хотел укрыться от нее. Вот я: совсем бы вне жизни надо стоять, – улыбнулся владыка, – а слышите, на рояле играют? Это в архиерейском-то доме! А нельзя иначе: семья моя не может и не должна вести жизнь затворников. Так-то, – и владыка ласково потрепал Андрея по плечу, а затем добавил: – Пожалуйста и Вы туда, слушать музыку. Вам там будет, по всей вероятности, повеселее, чем с нами, стариками, да еще со старыми взглядами на все и с отживающими привычками.

Много раз уже встречался с архиерейской дочкой Андрей Иванович и чувствовал, да это и все замечали, что его «ловят» самым добросовестным образом. А потому он держал себя смущенно и молчаливо, изобретая всевозможные способы, чтобы не попасть в сети, устраиваемые ему на каждом шагу.

– Сегодня Вы мой кавалер, – смело, хотя и шутливым тоном, заявила Заведееву Екатерина Ивановна, архиерейская дочка. – Должны же Вы оказать предпочтение хозяйке, – продолжала она, смягчая тон и глядя прямо в глаза Заведееву, точно хотела высмотреть там самое чувствительное место, в которое легче всего его поразить.

– Очень рад, но простите, если не сумею быть интересным, – ответил Заведеев и, отдавшись в распоряжение хозяйки, пошел рядом с ней.

– Славная парочка будет, – вполголоса шептались мамыши нескольких тут же находящихся барышень.

– Уж отец ректор устроит свадьбу! На это он мастер, – говорила полная жена учителя семинарии, завистливыми глазами посматривая на Андрея Ивановича.

– У нас ведь богатства нет. Наши дочери подождут, – язвительно улыбалась соседка. – Тут приданое-то княжеское дадут, да и капиталец тоже. Да и по службе поведут.

– Андрей Иванович что-то не очень увивается около Екатерины Ивановны, – заметила жена секретаря консистории. – Ровно бы он нисколько не интересуется барышней, отдающей ему предпочтение. Сидит спокойно, только улыбается или что-нибудь спокойно скажет. А она-то! Так и трещит, так и порхает!

– А кто ж знает, может быть, у него уже есть где-нибудь свой предмет симпатии? – наклонившись к собеседницам, заметила третья дама. – Таких-то не зевать, ловить надо, еще пока учатся. Я думаю, что петербургские мамыши с дочками поискуснее будут нас с вами-то! Так все обставят, что дело крепко будет!

***

«Пора, ждать больше нельзя, – говорил сам с собой Андрей, возвратившись домой после вечера у владыки. – Так жить невозможно! Будешь ходить в гости, принимать участие в играх, танцах, и будут непременно смотреть на тебя как на жениха или кандидата в чьи-либо женихи. Вот Екатерина Ивановна уже, кажется, хвастливо смотрит на всех. Она уверена, что соперничать с ней никто не посмеет, и заранее торжествует победу. К чему вводить ее в заблуждение? – думал Заведеев. – Надо как-нибудь дать понять, чтобы на меня как на жениха она не рассчитывала. А как это сделать? Вот тут ответа и не найдешь! – развел руками он. – Просили запросто, когда только вздумаю, заходить, посидеть. Да почаще... А чего же еще яснее!»

Он остановился среди комнаты.

«Еще немного времени, – продолжал рассуждать Андрей Иванович, – и либо сам повешишь себе новый крест, совсем ненужный, либо в страшную неприятность введешь совершенно невинного человека. Столько мук придется ей перенести: и оттого, что обманулась, и от неизбежных насмешек со стороны тех, кто завидует, будучи уверены в успехе Екатерины Ивановны. А что же делать? – вопрос этот застрял в его сознании. – Просто не ходить к ним невозможно: владыка будет недоволен. Сказать, что в монахи решил идти, – никто не поверит. Сочтут еще за обиду. Подумают, что “ему честь такую оказывают, а он и внимания не обращает!”. Ведь это Бог знает что! Никуда не ходить и ни с кем не заниматься? Но тогда все будут считать его фальшивым человеком. Вот она, действительная-то жизнь! – тяжело вздохнул Андрей Иванович. – Трудная жизнь. Никто твоему душевному состоянию не поверит, а если бы кто и поверил, что я жениться действительно не буду, так кому же я нужен? Что бы сказал отец Савватий? – вспомнил старца Андрей Иванович. – Какой бы совет дал? Увидел бы, что борьба с жизненными обстоятельствами невозможна, и, думается, дал бы благословение идти в монахи.»

На другой день Андрей Иванович Заведеев написал письмо товарищу – обер-прокурору Священного Синода, в котором объяснил неудобства продолжения службы на настоящем месте, просил совета и изъявил желание принять иноческий чин. Не прошло и недели, как Андрей Иванович получил ответ: «Берите отпуск и приезжайте в Петербург. Мы Вас устроим».

***

В одну из суббот посетители академического храма были свидетелями происходившего в конце всенощной трогательного обряда. Преосвященный ректор Академии с несколькими монашествующими вышли на средину храма и обратили взоры в дальний угол, откуда из-за ширм при пении певчими стихиры: «*Объятия отца отверсти ми потщися...*» двое монахов вели босого, в длинной рубахе человека. Приблизившись к ректору, человек этот земно поклонился и на вопрос: «Зачем пришел?» – ответил: «Иноческого жития ищущу». Затем при совершении обряда пострижения он изрек иноческие обеты и постепенно облачился в монашеские одежды. Со свечой в руке, с сандалиями вместо сапог на ногах встал по правую сторону царских дверей, перед иконою Спасителя, новопостриженный инок Агапит.

***

Пусто и неуютно в большой, высокой комнате в два окна; как огромные бельма висят на окнах измятые и грязные полотняные занавеси. В простенке между окон – большой письменный стол, обитый клеенкой; на нем лежит несколько книг в толстых кожаных переплетах. В заднем углу скромно приютилась железная койка, накрытая байковым одеялом. Сиротливо жмется она к самой стене, точно ждет-не дождется, скоро ли будет согрета прилегшим на отдых человеческим телом. Рядом на вешалке висит монашеская одежда...

Это – спальня и вместе рабочий кабинет инспектора Н-ской Духовной семинарии, иеромонаха Агапита. Сам отец Агапит в переднем углу, перед угольником, совершает правило «двухнадесяти псалмов» и отбивает число поклонов, назначенных старцем-монахом, руководителем недавно постриженного молодого монаха.

Весело, ровным пламенем горят перед иконами две лампадки. Лицо отца Агапита то становится суровым и мрачным от усталости и изнеможения, то на несколько минут озаряется тихой радостью, так что с него можно было бы писать икону архангела. В первом случае полу-согнутый, стоя на коленях, он с силой прижимает к груди обе руки вместе с крупными черного гранита четками и, кажется, готов разразиться стенаниями. Во втором – он стоит со взором, устремленным куда-то выше икон, как бы в далекое пространство. И, кажется, вот-вот запоем радостную евангельскую песнь: «Слава в вышних Богу!».

Последние поклоны отсчитаны, и отец Агапит едва двинулся с места: устали ноги. Он непрерывно молился и клал поклоны около двух с половиной часов. Добравшись до заднего угла комнаты, отец Агапит осенил крестом свое убогое ложе и, не раздеваясь, лег на кровать поверх одеяла. Вытянувшись во всю длину, он издал глубокий, болезненный стон и почти тотчас же заснул тяжелым сном изможденного в трудах человека.

В шесть часов назойливо звучит, звенит колокольчик. Наскоро крестится, хочет встать на ноги отец Агапит, но... «О Боже, как ломит кости!» Все тело его разбито, пальцы рук распухли, а на коленях вздулись какие-то волдыри. «Это монашеский крест, – глубоко вздохнул отец Агапит. – Смирение и послушание...» Он еще раз перекрестился, сидя прямо на кровати, и начал одеваться, продолжая думать: «Если бы был жив отец Савватий, он более легким способом приучил бы меня к монашескому смирению и послушанию. А вот отец Леонид только поклонами да совершением чина “двенадцати псалмов” во все дни и ночи упражняет... Господи, прости! Господи, помоги!» – тяжело вздохнул отец Агапит и перекрестился. Он взял бутылочку с деревянным маслом, налил его на ладонь и крепко натер воспаленные колени и пальцы рук. Походив минут десять по комнате и немного размяв затекшие члены, он наскоро умылся и совершил краткую утреннюю молитву.

«Сейчас начнется служебный день. Надо быть внимательным и строгим по отношению к студентам. Скоро позвонят на молитву. Надо сходить – невнимательно стоят на утреннем правиле семинаристы», – отец Агапит укоризненно качает головой, и глаза его делаются строгими. «А ты сам, когда был семинаристом, – как молния мелькнуло в сознании отца Агапита, – помнишь, как перед поездкой на Святки к брату в Залесье всю утреннюю молитву в день отъезда возбужденно разговаривал со своим соседом?»

Высокая гора... Маскарад... Верочка...

Все это плывет в сознании отца Агапита как незабвенное и милое прошлое. Точно огнем обожгло его при воспоминании о той роковой встрече. Пальцы на руках его захрустели – так заломил их от напряжения отец Агапит... Обливаясь неудержимо льющимися слезами, повалился он в переднем углу перед иконами на пол и замер пред очи Божии в крепкой молитве о прощении своих греховных воспоминаний.

Прозвенел звонок на семинарское правило. Отец Агапит наскоро умылся холодной водой, натер руки одеколоном и сбрызнул им одежду, чтобы отбить запах деревянного масла. Затем, приняв кое-как важный вид, вышел в коридор. «А ведь и ты, будучи семинаристом, разговаривал с друзьями на общих молебнах», – вспомнил опять отец Агапит, заметив нерадивых студентов. И снова внутри его поплыли радостные воспоминания юности... Нет, не может он изжить из сознания образ Верочки! В пот бросает его от напряженной внутренней борьбы. «Искушение», – шепчет он, тяжело вздыхая, однако по наружности держится важно и ничем не выдает своего волнения.

После окончания утреннего правила отец Агапит сделал замечание двум-трем семинаристам и в начальствующей позе проследовал в свою квартиру.

Придя, он опустился на стул. «Батюшки, как страшно болят ноги! – мысленно простонал он. – Уж если и был строг отец Савватий, но отец Леонид еще строже. Замучит поклонами. А про сегодняшнее искушение рассказать ему надо обязательно. Ах, какой же тяжелый крест! Покойный отец Савватий все говорил: “Не торопись!” – вспомнил он. – “Как пойдет жизнь «тик-так», тогда и можешь идти в монахи”.

Правда, я рад, что решился принять иноческий чин, и несколько не раскаиваюсь, но уж очень тяжело с подвигами – до головной боли и ломоты во всех членах. Да и душевные-то искушения все сильнее и острее себя дают чувствовать. Сил просто не хватает!»

– Сегодня мой урок в пятом классе по Священному Писанию! – произнес вслух отец Агапит. – Глава четвертая от Матфея. Посмотрим, посмотрим, – он перелистнул страницы старенького Евангелия: – *«Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал... (Мф. 4; 1-2)».*

От этих слов, внезапно пронзивших сознание, отца Агапита охватил священный трепет. Душа его трепетала перед страшными искушениями Спасителя от диавола в пустыне. «Господи-подвигоположник! – взмолился он. – Пошли и мне силу и крепость вынести борьбу с моими бесконечно малыми, сравнительно с Твоими, искушениями. Сорок дней и ночей Ты был

в посте и молитве! А я всего лишь от нескольких дней, проведенных в самых малых молитвенных упражнениях, изнемогаю. А отец Леонид, мой наставник и духовник, как нарочно, становится со мною все суровее и суровее. Совсем не щадит...» – вспомнил он, проявив человеческую немощь, и стал надевать рясу, собираясь идти на урок.

– Отец инспектор, Вас просят! – доложил дежурный семинарист.

– Кто?

– Иван Кириллович, – буркнул семинарист и скрылся.

«Опять с этим Иваном Кирилловичем стряслось что-нибудь неладное, – подумал отец Агапит. – Больно уж часто он придирается ко всем. Искушение!»

Иван Кириллович Лебединский, желчного вида, долговязый господин лет под сорок, был помощником инспектора. Он выглядел точно затравленный зверь, сам готовый во всякую минуту броситься на кого угодно. Отвесив отцу Агапиту низкий поклон, он глухим голосом доложил:

– С жалобой, по обычаю, отец инспектор. Первоклассники проходу не дают. Показаться нельзя... – и кошкой мяукают, и собакой лают, и петухом кричат. Клепикова поймал. Наказать надо. И поостроже! Давно я до него добиваюсь.

– А раньше Вы не наказывали его? – спросил отец Агапит.

– Как же, много раз, – осклабился Иван Кириллович, точно удивляясь, как до сих пор отец инспектор не знал об этом.

– Какому же наказанию Вы думаете подвергнуть его на сей раз? – глядя в упор на помощника инспектора, задал вопрос отец Агапит.

– Да я бы, отец инспектор, советовал его дня на три без обеда оставить, – как-то боязливо ответил Иван Кириллович, – уж больно задирист этот мальчишка.

– Пришлите его ко мне! А там видно будет, какое наказание назначить. А то я его совсем не знаю. Заглазно ошибиться можно.

– Слушаюсь, отец инспектор. Но мы-то его хорошо знаем.

Минут через пять появился Клепиков. Небольшого роста, гладко выстриженный, с бойкими, веселыми глазами, он производил впечатление еще совсем мальчишки. Казалось, что достаточно малейшего повода, чтобы он разразился смехом. Что-то наивное и по-детски бесхитростное чувствовалось во всем внешнем виде озорника.

Клепиков, красный от смущения, сложил руки ладонями кверху и наклонил голову под благословение.

– Что наделал? – спокойно и просто спросил отец Агапит и в ожидании ответа вперил сострадательный взор в лицо Клепикова.

Краска еще более залила лицо маленького семинариста, и он едва внятно пролепетал:

– Дразнил Ивана Кирилловича. Простите, отец инспектор! Больше не буду.

– Вот это хорошо, что сразу сознаешься. А родные у тебя есть в городе?

– Есть. Дядя, священник у Антипы Мученика... Да Вы не сказывайте ему, пожалуйста, отец инспектор, – просительно прибавил он, – я больше не буду.

– Не скажу! Только ты помни, что сам обещал мне больше не дразнить Ивана Кирилловича. И не дразни его, хотя бы для меня, – прибавил отец Агапит, благословляя Клепикова. – А теперь ступай!

Мальчик как-то неопределенно затоптался на месте и вопросительно посмотрел инспектору в глаза. Отец Агапит невольно остановился в ожидании. У Клепикова задрожали губы, и он едва слышно выговорил:

– А наказание мне какое будет?

– Поди с Богом. Никакого, – ответил отец Агапит. – Ведь ты же дал мне обещание? – он вопросительно взглянул на озорника.

– Угу, – еле вымолвил маленький семинарист и, прежде чем уйти, схватил руку инспектора и горячо поцеловал.

Окончив разговор, отец Агапит вышел из квартиры, чтобы идти на урок. В коридоре перед ним точно из-под земли вырос Иван Кириллович. Решительным тоном он спросил:

– Так уж разрешите, отец инспектор, Клепикова-то без обеда оставить. Это ему будет чувствительнее всего, а то совсем забылся мальчишка!

– Знаете, Иван Кириллович, – ответил отец Агапит, – такие сильные наказания нам вообще нельзя накладывать на воспитанников без согласия педагогического совета. На совете выслушалась бы Ваша жалоба и мой доклад о душевном состоянии ученика, который считается Вами преступным..., и, думается, – отец Агапит в упор посмотрел на оторопевшего Ивана Кирилловича, – совет никаким образом не наложил бы на него наказания.

– Так Вы, отец инспектор, хотите его оставить без наказания? – угрюмо спросил обескураженный Иван Кириллович. – Но ведь это значит, что нам теперь житья не будет!

– Станем, Иван Кириллович, стараться делать так, чтобы всем житье было: и нам, и ученикам, – ведь и им хочется получше жить.

И отец Агапит, бросив многозначительный взгляд на своего помощника, вошел в класс, где должен был давать урок. На уроке он горячо говорил об искушениях Иисуса Христа от диавола и со вдохновением изъяснял юным семинаристам, в чем состояла победа человеческой природы Спасителя над ухищрениями врага рода человеческого. Он говорил так живо и увлекательно, точно сам лично пережил и превозмог подобные искушения.

Урок закончился. По окончании урока словно кто-то шепнул ему: «Да разве у тебя такие искушения?! Голод, самолюбие и гордость и тебе, наверное, победить гораздо легче, чем ту душевную муку, какую ты испытываешь от сознания потери человеческого счастья – счастья с единственно любимым человеком, которое могло выпасть на твою долю».

«О, Господи! Прости мне мое искушение. Помоги преодолеть грех, который неминуемо влечет меня к душевной смерти», – торопливо крестясь и отгоняя внушаемые извне коварные мысли, шептал отец Агапит, возвращаясь после уроков домой. В грустном унынии подкрепился он скромной пищей в обеденное время. И все думал о тяжести своего креста и о том, что не помогают ему многочисленные поклоны. Да и тяжелые сны не отступают. А отец Леонид все не смягчает строгости и не убавляет число земных поклонов.

«Уж очень тяжело... – тоскливо думает отец Агапит. – Особенно тяжело при моих сложных научных и инспекторских обязанностях. – Прямо непосильно. А все-таки сегодня надо сходить к отцу Леониду». И после вечерни он стоял и стучал в келью старца Леонида в коридоре монастырского общежития.

– «Молитвами святых отец наших, Господи, Иисусе Христе, помилуй нас!» – проговорил отец Агапит монашеский пароль уже третий раз с небольшими промежутками.

Но обычного ответа «Аминь» все не было. Входить было нельзя. «Что же такое это значит?» – проговорил сам с собою отец Агапит и, еще потоптавшись с минуту на месте, медленным шагом пошел, чтобы постучаться в соседнюю келью и сказать, что от отца Леонида нет ответа на стук в дверь и молитву. Но в то время щелкнул замок и дверь кельи отца Леонида отворилась.

Отец Леонид, высунувшись из двери, замахал рукой и суровым голосом сказал:

– Что, нет терпенья? Знать, не очень нужно, коли домой пошел! Зайди, ежели какое дело есть до меня.

Отец Агапит смущенно возвратился и при входе в келью сделал хозяину низкий поклон, дотронувшись до пола пальцами правой руки. Отец Леонид уже сидел на стуле. Здоровый, коренастый, с длинной бородой, с густыми, сросшимися бровями и огромными кулаками, он как бы представлял собою олицетворение угомонившейся силы, которую беспокоить небезопасно... – она отдыхает, притихла.

Отец Леонид был из крестьян и едва грамотен. Известен от монастырской братии как сурово строгий исполнитель монастырского устава и монашеских обетов. От его религиозности веяло непосредственностью: если он говорил «Господи, помилуй!» или «Пресвятая Богородица, спаси нас!», то, значит, искренно верил и был убежден, что Господь или Матерь Божия вот и стоят перед ним, грешным Леонидом.

Отец Леонид был прям и прост до грубости. Говорил он без лести и без всяких уверток. Это считали признаком мудрости, и за это назначили его в руководители новопостриженных монахов. На него указали и отцу Агапиту как на искусного и твердого учителя иноческой жизни.

– Ну, – не оборачиваясь к отцу Агапиту, обратился к нему старец, – да сядь вот тут-то, на стул. В ногах-то правды нет!

Отец Агапит смиренно сел и высказал все, что пережил он за прошедшую ночь и следующий за ней день, перечисляя все свои искушения и подробно описывая душевную муку. Ни словом не обмолвился, ни одного движения не сделал старец, пока говорил «новоначальный монах». А когда тот окончил, он, как статуя, не двигаясь ни одним мускулом тела, проговорил:

– Прибавь сто поклонов!

Поежившись немного, словно хотел что-то сказать, отец Агапит, однако, встал, сделал глубокий поклон, коснувшись рукой пола, и тихо вышел из кельи.

А отец Леонид так и остался сидеть на стуле, даже не пошевелился.

«Вот крест-то! Вот тяжесть! – думал отец Агапит, возвратившись домой. – Днем труды и служебные искушения, а ночью смирение плоти и духа».

– Прибавь сто поклонов! – вслух повторил он слова старца и тут же подумал: «Это к обычным тремстам поклонам, которые я выполняю, и чину двенадцати псалмов! И это каждый день и каждую ночь!».

– О, Господи, помоги мне! – вырвался тяжелый стон из груди отца Агапита, который не знал уже, что для него мучительнее: грех, так пленивший его, или иноческое послушание.

***

Наступило время летних каникул, и отец Агапит решил воспользоваться свободой от занятий, чтобы попутешествовать по святым местам. Он и отпуск уже взял на все лето, и несложное имущество, нужное для дороги, уложил в чемодан. Пора бы ему в путь, да толком не надумал еще, куда поехать.

Инспектор внимательно осмотрел скромную обстановку своей квартиры – и так отчего-то защемило его сердце, точно он навсегда покидал немых свидетелей своей трудной жизни. Эти захватанные стулья, закапанный письменный стол точно хотели сказать: «Прощай, отец Агапит, и не поминай нас лихом!».

Вот угольничек перед дорогими сердцу намоленными иконами – сколько он видел слез и сколько слышал вздыханий. А кровать, сиротливо прижавшаяся к стене в самом углу! Если б только она могла говорить, то сколько поведала бы всевозможных сновидений, занимавших душу отца Агапита после тяжких молитвенных трудов?

Жаль почему-то расставаться со всем этим. Какое-то предчувствие того, что он уже никогда не возвратится сюда, посетило отца Агапита. Именно поэтому вот уже три дня он все никак не может отправиться в путь.

«Завтра непременно поеду», – задумчиво расхаживая по комнате, наконец решает он.

– Письмо вот, отец инспектор, – говорит появившийся служитель, подавая пакет.

На почтовом штемпеле помечено: «Златарунь». Это от брата. Прочитав письмо, отец Агапит широко осенил себя крестным знаменем и произнес:

– Вот Божие смотрение! Если бы я уехал раньше, то и не знал бы ничего. А теперь прямое указание, куда мне надо ехать.

Брат отца Агапита, диакон села Залесья, Гавриил Заведеев, оказывается, «сильно болен и едва ли поправится», пишет его жена. А потому он просит своего брата поскорее, если можно, приехать. «Хочет посмотреть на Вас и проститься». Сейчас же отец Агапит собрался в путь. «Простите, дорогие!» – точно к живым, обратился он к предметам обстановки в своей квартире и, стоя посреди комнаты, широко осенил ее на все четыре стороны крестным знаменем. «Точно в последний раз... – грустно думалось ему. – Вот как вымотала меня борьба с греховными чувствами! Скоро ли доживу до времени, когда в душе все наладится и пойдет, по словам отца Савватия, “тик-так”!»

На третий день отец Агапит подъезжал уже к селу Залесье. Странные чувства волновали его. Сердце сжималось от сознания близкой опасности потерять любимого брата. И в то же время какое-то радостно-трепетное воспоминание о давно прошедшем, когда он гостил у брата в первый раз, превращало его грусть в уверенность, что все обойдется благополучно и болезнь отступит.

Вот и домик брата! Окна в спальне совершенно закрыты. Что там?! Матушка-дьяконица, заслышав стук подъезжавшего экипажа, вышла на крыльцо и, обливаясь слезами, бросилась к отцу Агапиту на грудь, чем привела его в крайнее смущение.

– Да полноте, полноте, сестрица, – сам готовый расплакаться, утешал отец Агапит рыдавшую матушку. – Бог милостив. Теперь лето, тепло, поправиться куда легче. Чем болен-то? – задал он вопрос.

– Да Бог его знает. Простудился, должно быть. Сначала думали, нездоровится просто! Мало ли у кого голова болит или какая там слабость. А вот теперь вторую неделю пластом лежит, не вставая.

– Ну, ведите, посмотрим!

Больной спал. Расспросив подробно про болезнь и посмотрев на спящего брата, отец Агапит распаковал свой чемодан. Он вынул из него ящичек с гомеопатическими средствами и лечебник по гомеопатии. В утешение же невестке сказал:

– Попробуем полечить гомеопатией, иной раз просто чудеса творятся от этих лекарств.

Больной скоро проснулся и слабым голосом спросил, не приехал ли Агапит.

– Приехал, приехал, дорогой мой! – радостно вошел отец Агапит в комнату к больному, неся в руках коробку с лекарствами.

Благословив больного, он припал к нему на грудь и крепко прижал его, точно желая возбудить в нем ослабевшие жизненные силы. Желтое, истощенное лицо больного просветлело и озарилось едва заметной улыбкой, но печать страдания с лица еще не пропала.

– От моих лекарств, да даст Бог, поправишься! – говорил отец Агапит брату. – А я поживу здесь, пока ты не выздоровеешь.

Минут через десять больной, приняв лекарства, снова уснул. Отец Агапит только теперь заметил, что длинный маятник стальных часов мерно выстукивает: тик-так, тик-так! «Это хорошо, – подумал он, – это предзнаменование, что все пройдет ровно и правильно. Дай Бог!» – и отец Агапит осторожно, на цыпочках, вышел из комнаты.

***

Молитвы отца Агапита, тщательный уход за больным, аккуратный прием лекарств и прекрасная летняя погода сделали свое дело. В скором времени отец диакон уже мог свободно разговаривать с родными, а недели через две начал понемногу вставать с постели.

Дело быстро шло на поправку.

Живя у брата, отец Агапит любил совершать прогулки в окрестностях села и особенно бродить по полям.

– Благодать Божия! Ширь-то какая! – с восторгом рассказывал он брату, возвращаясь домой.

Часто в своих прогулках он направлялся по дороге, которая вела к Вознесенскому селу, что на Высокой горе. «Там, – невольно думалось ему, – улыбнулось было мне счастье! Но вместо него я посвятил свою жизнь Богу и служению людям. Впереди у меня очень много дел. Этим лишь утешусь?»

– А она, Верочка?.. – тоскливо шептал он, когда в сознание его, инока, вползал как тать и теперь любимый им образ. – Ее насильно выдали замуж. Не хотела ведь идти... Как-то теперь она живет?

Отец Агапит даже не знал, в каком городе находится его бывшая невеста. Знал только, что где-то на Оке. Постоянная дума о Верочке наполняла против воли сознание отца Агапита картинами его собственной фантазии, и он ясно чувствовал, что спасения от них надо искать в монашеских подвигах. Строгий пост, продолжительные молитвы, поклоны до ломоты во всех членах – все это было крайне необходимо ему, и как можно скорее.

«Да разве возможны подвиги среди чарующей поэзии летней природы, где на полной свободе все цветет, поет, движется?.. – думал отец Агапит. – Миллиарды жизней зарождаются здесь под каждым листочком и поют на бесконечное множество ладов свои песни, выражая этим жгучую радость – радость своего бытия. В природе с раннего утра и до позднего вечера – головокружительный, веселый праздник. Уединиться мне тут решительно некуда. На этом празднике жизни и бытия можно только снова зажечь то, что потухло!» – с ужасом сознавал он.

И это сознание угнетало отца Агапита и вместе с тем почему-то радовало. Но почему, он сам, как ни старался, не мог определить.

– Невозможно жить рядом с этой природой и не петь. Вот он, милый какой! Так и кланяется, точно говорит: «Возьми меня», – нервно срывая напитанный влагой тюльпан и припадая к нему губами, бормотал отец Агапит. – А вот незабудка! Это значит: «Не забудь меня!».

Целый букет душистых полевых цветов набрал в поле отец Агапит, жадно, всей грудью вдыхая их девственный аромат. «Вот он, пир жизни! – думалось ему. – И все живущее принимает участие в этом празднике жизни. Вот пчелка гудит и летает с цветка на цветок, добывая оттуда капли меда. Вот целые рои разноцветных бабочек гоняются друг за другом...»

«Мир точно приласкать тебя хочет, – ласково говорит сам себе отец Агапит, разглядывая ярко-красную Божию коровку, которая села ему на руку. – Видишь, посидела секунду-другую, расправила крылышки и поднялась на высоту. Лови ее теперь...» Он снял шапку и подставил свое лицо под ласкающие лучи солнца.

Хорошо и радостно было ему на природе. Высоко-высоко в небе поет свою песню жаворонок. Целые стаи стрижей с неистовым криком носятся с места на место, словно о чем-то хлопчут. Мохнатый, полосатый червяк выгибается, взбираясь на гнущийся под ним стебелек травы, и вдруг, испуганный ветром, сгибается в колечко, да так и притих, словно замер. Чары природы повсюду, и, кажется, нет в мире существа, которое чаровница-природа лишила бы своих горячих объятий.

Да, везде ликование, и в первый раз в жизни пришло на ум отцу Агапиту, что нет греха в том, чтобы принимать участие в этом безудержном веселии природы. Это – радость жизни! Это – свободная от всего земного хвала Великому Творцу всей Вселенной!

«Благослови, душе моя, Господа! Вся премудростию сотворил еси!» – в радостном восторге произнес молодой инок, возвратившись домой с ароматным букетом полевых цветов.

«А я еще размышляю о смысле монашеской жизни... – думал отец Агапит. – Вот цветы... Все они радуют человеческий взор и издают тонкое благоухание, а ведь они выросли на различной почве: одни – на плотном месте, другие – на рыхлой земле, иные – на сухих пригорках, а незабудки – в трясине. Так и букет добродетелей в душе человека. Все добродетели добродельны и привлекательны – приобретены ли они в юности, в зрелом возрасте или в старости; в мире ли среди широкого простора, на шумном празднике природы или в монашестве, среди уединенных тяжелых подвигов. Именно так надо стяжать букет добродетелей! Да приобрести-то их трудно. Надо сначала очистить сердце от всяких греховных влечений и помышлений, и тогда

уже насаждать доброе. А бороться с грехом и очищать душу легче в уединении, где меньше всего соблазнов...»

«Ну, кажется, я начинаю фальшивить, отдавая преимущество приобретению добродетелей монашеской жизни, – сказал сам себе отец Агапит, возвратившись с прогулки и сбросив с себя волну тревоживших его дум, – ведь решительно везде любит Господь сокрушенных сердцем и *“на всяком месте владычества Его”*».

– А вот тебе письмо, – сидя под вишнями в садике перед домом, сказал отец диакон, заметив вернувшегося Агапита. – Иди-ка, брат, поскорее!

«Наверно, что-то важное из канцелярии митрополита. Что же? – подумал отец Агапит. – Ведь прошла только половина каникул, и мне еще целый месяц можно быть в отпуске».

– Посмотрим, – сказал он, вскрывая конверт и просматривая бумагу.

Канцелярия митрополита извещала, что Его Высокопреосвященство просит отца инспектора семинарии иеромонаха Агапита немедленно возвратиться из отпуска, если ничего серьезного удержать его на месте не может.

– Вот тебе и раз! – развел руками отец Агапит. – Монаху везде послушание. Завтра надо в путь! Только было отдохнул на природе душой в разгаре ее праздника, а тут опять в келью. Нет, буду проситься куда-нибудь в захолустный монастырь. Среди природы лучше славить Бога! Ни ты никому не мешаешь, ни тебе никто. В пустыню, в пустыню, – решительно и возбужденно закончил речь отец Агапит.

***

– Вот спасибо, что на призыв скоро пожаловали, – говорит владыка митрополит, благословляя отца Агапита. – Садись-ка, да потолкуем о совершившемся уже факте! Вас назначили ректором семинарии в Н-ск, – продолжал владыка, усевшись в кресло и указав отцу Агапиту рукой на место против себя. – Это я отрекомендовал Вас туда для исправления семинарии.

– Благодарю за внимание, владыка святой, – низко поклонился отец Агапит, крайне смущенный сообщенным известием, – но что же я могу там сделать? Человек я малоопытный и молодой. С самим собой еще не навык справляться и учусь жить у других. А тут не только одну сотню юношей, будущих пастырей, надо вести правильным путем, но должно исправлять всю семинарию, в которой, очевидно, много проблем. Боюсь я, владыка святой! Весь отдаюсь в волю Божию и всякое послушание готов исполнить, которое мне по силам, но будет ли по моему разумению наложенное на меня великое и трудное дело? Вот я инспектором семинарии старался исполнять устав и распоряжения начальства – и все было легко. А самому делать распоряжения и давать направление всей семинарской жизни – другое дело. Повиноваться неизмеримо легче, чем безошибочно других призывать и руководить!

– Об этом говорить поздно, – сказал владыка. – А вот давайте помолимся сначала.

Тут же, в приемной владыки, в большом углу перед иконами стоял аналой, и на нем лежали крест и иерейский молитвослов.

Владыка возложил на себя епитрахиль и начал читать ектении из молебного пения «На всякое прошение», а отец Агапит, стоя на коленях, горячо молился о благопоспешении ему в предстоящем трудном служении.

– Ну, отец ректор, – начал владыка по окончании молебна, садясь на диван, – садитесь-ка и слушайте!

– Слушаю, владыка святой! – поклонился низко отец Агапит и тоже сел.

– В Н-ской семинарии в прошедшем году не раз были довольно сильные волнения, так что ректора, несколько строптивного и не в меру сурового, пришлось перевести на другое место. Вот вам прежде всего и совет: не следует быть очень суровым по отношению к воспитанникам.

А у Вас стремление к этому есть. Далее. Мало в этой семинарии церковности. А приучить к этому семинаристов у Вас тоже есть данные. Вот главное!

Владыка на некоторое время задумался.

А затем продолжил:

– Хорошо, что теперь каникулы. У Вас будет много времени для ознакомления со своими делами до начала учения. Сразу же заведите определенные порядки и следите за неуклонным их исполнением! Вот и все! – закончил владыка и поднялся.

Уходя, добавил, благословляя:

– Завтра побывайте у обер-прокурора Священного Синода и его товарищей. Не мешает также зайти к председателю Учебного комитета и еще к кому найдете нужным или нелишним.

***

«Господи, Боже мой! С новым назначением у меня как будто все переменялось, – думал, любуясь недорогою, но блестящей митрой, новопроизведенный архимандрит Агапит, ректор Н-ской семинарии. – И камни красивые, как будто настоящие», – трогал он пальцами разноцветные стеклышки, украшавшие митру.

Взяв в руки большой архимандритский крест, он почему-то потряс его на ладони, точно хотел узнать приблизительный вес. Затем не спеша перекрестился, поцеловал крест и позвонил в специальный колокольчик.

– Что прикажете, Ваше Высокопреподобие?

– Обед подавай! А потом укладываться надо, – однословно и официально отдал приказание отец Агапит.

Это вышло как-то само собой. «Да, все изменилось, – бросив еще раз взгляд на митру, стоявшую на письменном столе, подумал отец Агапит. – Последняя ступень к архиерейству... И Алексей это чувствует! Иначе как-то стал держать себя. Сразу, как только я возвратился из поездки, начал звать меня “Ваше Высокопреподобие”! Ох, эти горе-келейники!»

За обедом Алексей с салфеткой в руке стоял уже в столовой, а не как раньше: подаст блюда да и юркнет в свою комнату, продолжать прерванный было им обед.

Во все время обеденной трапезы отец Агапит вел с ним разговор:

– Ты, Алексей, купи себе приличную одежду, – наказывал он, – да и бельем запасись, чтобы не покупать сразу же по приезде все необходимое. По железной дороге поедем в отдельном купе. На целое купе и билет возьмешь. Сегодня же сходи на центральную станцию, завтра уже некогда будет, вечером поедем.

***

– «... Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!» – робко произнес отец Агапит в тот же день вечером, стучась в дверь лаврского духовника, архимандрита Исаии.

Отец Исаия, из крестьян Курской губернии, уже лет двадцать жил в лавре. Маленький, юркий, жизнерадостный, со всеми ласковый и приветливый, чуть ли не каждый день принимал он на исповедь кого-либо из братьев, начиная с самых старших – наместника и других архимандритов – и кончая послушниками, приступающими к принятию монашеского пострига. Сам уже почти совершенно бесстрастный, с каким-то детским и даже наивным образом мышления, жизнерадостный отец Исаия и на все грехи смотрел как-то особенно, по-своему.

«Что бояться грехов, – постоянно говорил он, – эка невидаль! А Господь-то на что? Он, батюшка, всякие грехи простит, коли у тебя душа мягкая! Его только не забывай – и посрамишь диавола. Дьявол думает, ты согрешил, значит – ему послушник. Он тебя сейчас же в

свой список: как бы, по-нашему, приуказить решил. А ты сейчас же вспомни Премилосердного Владыку и воздохни: “Господи! Согрешил, человек бо есмь, очисти и помилуй меня!”. Вот диаволу-то и конфуз – чужого записал в свой список! Да, брат кривохвостый, ничего не поделаешь, придется вычеркнуть раба Христова! Так-то! Значит, руки коротки. Только жестокой душе трудно очиститься, избавиться от диавола, – говорил отец Исаия. – Гордецу-самолюбцу нелегко смягчить душу, но и тех Господь вразумляет и приводит к покаянию. Вот хула на Духа Святого, упорство или противление истине не простятся, потому что противник раскаяться не может! Противиться истине – значит себя истинным считать. Старайся только душу сделать мягкой и ничего не бойся! Тогда Христос всегда придет к тебе и утешит твое сетование о грехе...»

И шла к отцу Исаие согрешившая братия, выплакивала свои прегрешения под его дырявой мантией и уходила радостная до новых беспокоящих душу грехов! А отец Исаия лишь махнет рукой вслед ушедшему только что раскаявшемуся грешнику и, посмотрев умиленным взором на икону Спасителя, как бы для своего собственного успокоения скажет: «Господи, человек бо есмь!».

– Ну, и что же, отец архимандрит, – весело встретил отца Агапита отец Исаия, – никак словом, делом, помышлением в дни и в ночи и на всякий час? Знаем Ваши грехи! Вздохнул бы к Богу, да и все тут!

– Нет уж, исповедайте, отец архимандрит, ради Бога, – умоляюще попросил отец Агапит. – Уезжаю завтра, так все-таки спокойнее с чистой совестью на новое место прибыть. Там, может, и не скоро удосужишься.

Отец Исаия молча облачился в мантию, поручи и епитрахиль, встал к аналою тут же в углу перед иконами, и весь сосредоточился на Лике Спасителя, как бы заранее указуя: «Человек бо есмь, Господи!».

Прошло минут двадцать. Наконец отец Агапит поднялся, разрешенный от грехов. Весь заплаканный, как прощенное матерью дитя, он целовал отца Исаию в обе щеки и только говорил:

– Вот не знаю только, как с искушением-то? Образ-то моей невесты все не отступает, точно вчера ее видел! Крест ведь это, батюшка, – и не знаешь, что с ним делать!

– А и пусть! – весело сказал отец Исаия. – Значит, так нужно. Господь попускает не без цели. Вот и надо радоваться, что Он наряду с архимандритским крестом и этот дал! Вспомни-ка, как апостол Павел говорит: *«Дадется ми пакостник плоти, да не превозношуся!»* (Ср. 2 Кор. 12, 7 – ред.). Без нападения искушений не будешь хорошим воином Христовым, а тут что за искушение: образ невесты представляется! А вот и слава Богу! Радуйся этому! Значит, надо постоянно молиться за нее, чтобы ей жилось хорошо. Знать, она на тебя одного и надеется; за нее, верно, некому молиться. Это, выходит, и твоя прямая обязанность. А он: «Искушение!..» – с серьезным видом развел руками духовник. – Да я и не знаю, что бы дал, кабы у меня были сотни таких неотступных образов! Тогда было бы за кого молиться! А то что я? Встану вот на молитву и не знаю, кого поминать. Хорош молитвенник! Знать, никого не любил, коли всех забыл, а без любви разве возможно? Вот апостол-то и говорит: *«Ежели имеешь веру, то и горы переставишь, а любви не имеешь – ничтоже есмь!»* (Ср. 1 Кор. 13, 2 – ред.). Вот, брат, как!

– Ну, спасибо, отец архимандрит, за все, – сказал отец Агапит, прощаясь. – Не забудьте, пожалуйста, меня, грешного, в своих молитвах и благословите.

– Бог благословит, Бог благословит! – лобзая молодого человека, весело говорил отец Исаия. – Не забудь и меня! Смотри, не пройдет и десятка лет, как архиереем будешь. Дай Бог! Строгим не будь только, а милостивым будь! Помни: *«Блаженны милостивши, яко тиши помилованы будут!»*.

***

При выходе отца Агапита из вагона к нему приблизился желчного вида господин со щетилистыми усами, в длинном пальто и в фуражке с малиновыми кантами. Черные лихорадочные глаза его, казалось, готовы были пронзить насквозь того, в кого они вонзались. Все движения его отзывались нервозностью, а правую щеку немного подергивало.

– Имею честь видеть вновь назначенного в нашу семинарию отца ректора? – обратился он с вопросом к отцу Агапиту голосом, не уступающим в важности начальнику отделения какого-либо присутственного места. – Инспектор семинарии, Платон Степанович Рыкачев, – отрекомендовался он и немного приподнял фуражку.

Отец Агапит благословил его и сказал:

– Да, я ректор. Примите меня с миром.

– Со счастливым приездом! – ответил инспектор, но руку не поцеловал. – Здесь эконом ожидает Вас и коляска, – прибавил он. – Пожалуйста.

– Алексей, получи вещи и приезжай в семинарию на извозчике, – отдал приказание своему келейнику отец Агапит, направляясь через вокзал к выходу.

На крыльце вокзала его встретил низким поклоном отец эконом, диакон семинарской церкви. Небольшого роста, коренастый, с благодушным лицом, со спокойными манерами и голосом, свидетельствовавшим об искренности, отец диакон с первого раза так и располагал к себе. Приняв благословение и приложившись к руке отца Агапита, он отворил дверцу кареты и пригласил нового ректора садиться.

– Пожалуйста, и Вы со мной, отец эконом! Место свободное есть, а мне будет веселее, если хозяин дома сам введет меня в квартиру, – усаживаясь в угол кареты, сказал отец Агапит. – До свидания, – крикнул он инспектору, крайне смущенному тем, что ректор не пригласил его в карету.

Семинария была недалеко от вокзала, и карета скоро остановилась у подъезда ректорской квартиры.

– Ах, отец эконом, как мне благодарить Вас! – при входе в квартиру дрожащим от волнения голосом сказал отец Агапит. – Как все хорошо, сердцевед Вы! – говорил он, осеняя себя крестным знамением и со слезами на глазах взирая на икону Спасителя и ярко горящую перед ней лампаду. – Люблю, когда лампадка горит перед иконой! Этой радости я уж, конечно, не ожидал. Спасибо, отец эконом! – и новый ректор, обняв правой рукой диакона, поцеловал его в щеку.

Диакон моментально смахнул рукой скатившуюся слезу и растроганный пошел показывать другие комнаты.

Обстановка везде была приличная: зеркала и даже комнатные цветы на полу в больших кадках. В уютной спальне опять оказалась горящая лампада перед образом Богородицы.

Помолившись перед иконой, отец Агапит снял клубок и положил его на угольничек.

– Вот и дома! – произнес он.

– Рядом вот столовая, Ваше Высокопреподобие, – пригласил отец эконом. – Пожалуйста. Здесь был накрыт стол с холодными закусками и весело шипел небольшой самоварчик, а рядом с ним стоял начищенный кофейник. Было тепло и уютно.

– Ну, отец эконом, Вы решительно сказочник! – поблагодарил удивленный отец Агапит. – Жить рядом с Вами, очевидно, будет очень хорошо.

– Дай Бог благополучно и счастливо послужить с Вами, – поклонился эконом. – Что не досмотрим, уж извините нас и научите.

И эконом, благословившись, откланялся.

«Хороший, сердечный эконо́м, – оставшись один, думал отец Агапит, – а вот инспектор мне не понравился. Должно быть, он не последняя из причин бывших здесь волнений семинаристов».

***

– Нуте-ка, нуте-ка... Милости просим, новый устроитель семинаристов!

Таковыми словами встретил на другой день отца Агапита благодушный владыка Н-ской епархии, епископ Нифонт. – Благо, каникулы и укрощать-то теперь некого. Вы много выиграли, потому что раньше займете позицию и сами будете встречать семинаристов, а не семинаристы Вас, – шутил владыка. – Это много значит! Бунтуем, вот ведь что! – беспомощно раз-

вел руками владыка, кряхтя и усаживаясь в глубокое кресло. – Разберитесь Вы, пожалуйста, и направьте дух семинарский в тихое русло, а то так бывает тяжело от этих неурядиц, что и сказать не умею. Жаль юношества! Много хороших ребят гибнет ни за что. Я надеюсь на Ваше доброе сердце. Надо больше разумною ласкою действовать, а ее-то у нас и не было.

Владыка печально наклонил голову и тяжело вздохнул, а затем, многозначительно посмотрев на отца Агапита, снова продолжил:

– Своих взглядов на семинарских деятелей высказывать Вам не буду. Как Вам там действовать, советы давать тоже не буду – не нахожу полезным, чтобы готовыми мнениями не испортить Ваши начинания и действия. Свежий ведь человек всегда вернее видит положение дела. А мы тут изнервничались и, конечно, вполне естественно заблуждаемся. Будем жить ближе друг к другу и будем, не скрывая ничего, делиться мнениями. Ко мне во всякое время милости прошу, – говорил в заключение владыка. – Приходите запросто, не стесняясь. Думаю, что от Вашего назначения надо ждать успеха. Господь да благословит Ваше вхождение к нам!

Прощаясь с отцом Агапитом, владыка ласково предупредил:

– Для Вас на первых порах страда будет, но не бойтесь, будем помогать друг другу.

Как и предсказал владыка, для нового ректора, действительно, началась «страда»...

***

– Знаете, для чего Господь избрал святых апостолов и держал их при Себе до Своих страданий? – обратился отец Агапит к воспитанникам семинарии после молебна перед началом учения. – А для того, чтобы научиться у Него и получить силу возвещать людям путь спасения. И мы все пришли сюда учиться и приобретать силы, чтобы продолжать апостольское дело. Будущая наша задача – задача всей нашей жизни – возвещать людям учение Господа нашего Иисуса Христа, а Он прежде всего говорил: «Мир вам!». И еще: «Мир Мой даю вам!». Итак, мир или спокойствие во всех случаях жизни, начиная от сего времени, когда вы знаете, какое великое и святое дело предстоит вам в жизни, – должен преобладать в нашей душе. Что бы ни случилось, прежде всего подумайте: «Я должен сохранить спокойствие духа!». И вы увидите сами, что только при душевном спокойствии всякое дело и может идти разумно. Но не иначе. Ваш возраст таков, что душа еще не приобрела никаких дурных навыков. А приобретая хорошие навыки, в них легко и утвердитесь. Да поможет вам Бог во всем добром и да сохранит от всякого зла!

В заключение проповеди отец Агапит сказал:

– У вас, естественно, бывают различные житейские нужды, и неудовлетворение их производит в душе беспокойство. А вам, как раз наоборот, надо заботиться о мире душевном. Поэтому я прошу дежурных всех классов ежедневно высказывать эти нужды. Я, что могу, сделаю или дам совет, как, что сделать, а чего делать нельзя, объясню, почему нельзя. При полном доверии друг к другу гораздо легче будет идти по пути к апостольству, а если доверия нет, то истинному апостольству не научиться. Вспомните, что среди апостолов Христовых был ученик и с лукавым сердцем! Юношеские сердца – хорошие сердца! Пусть ваши сердца навсегда останутся хорошими, милые юноши!

– Повеяло, братцы, теплом! – говорил басом здоровенный шестиклассник товарищам в перемену между уроками. – Сегодня хотел было я отчитать живодера-инспектора, совсем уж рот было раскрыл, да как-то язык не повернулся, когда вспомнил речь отца ректора. Махнул рукой, думаю, а ну его в болото! Пристал из-за пустяка. «Зачем, – говорит, – каблуками стучите? Чтоб этого у меня не было!» Вспылил, по обычаю, и застучал двумя пальцами правой руки по ладони левой. Трудно было удержаться, но удержался! Вот что значит влияние человека с любящим сердцем, – имея в виду ректора, закончил шестиклассник.

– А представьте, какой случай с Юрьевым из второго класса произошел! – сказал другой семинарист. – Он из дома письмо получил. Пишут, что и так бедно живут, а тут еще по какому-то делу нужно неотложно пятнадцать рублей заплатить. Взять негде, надо из двух коров одну продавать, и бедная мать, как пишет отец-псаломщик, горько плачет: с малыми ребятишками, мол, молока не хватит от одной коровы. Понятно, прочитал письмо мальчишка, разрюмился, а отец ректор мимоходом как-то и увидел. «О чем плачешь?» – спрашивает. Тот еще сильнее начал плакать. «Да скажи, перестань, – добивался отец ректор, – все равно ведь слезами ничего не выплачешь». Мальчишка и рассказал все подробно. Отец ректор погладил его по голове и сказал: «Хорошие твои слезы, а потому до Бога дойдут! Успокойся же!». И что же вы думали? – с загадочным видом посмотрел на товарищей семинарист. – Мальчишка вчера получил письмо, что кто-то неизвестный послал отцу 25 рублей и все обошлось благополучно, да еще и про запас осталось. Понимаете, что это значит?!

***

– Ах, как хорошо поют в семинарской церкви, ведь целая семинария поет, – делятся впечатлениями два каких-то господина. – Семьсот человек – и вдруг «Свете Тихий!». То тихо, чуть слышно, то торжественно и громко несется хвала Богу многосотенного хора юношей. А «Хвалите имя Господне»! А «Великое славословие»! О, как чудно все это и глубоко трогательно! Говорят, раза по три в неделю спевки бывают! Ректор завел. И сам всегда на спевках!

***

– Ну что, отец ректор? Второй год идет, а бунтов у Вас нет! – с шуткой обратился один раз владыка к отцу Агапиту. – Верно, зачаровали семинаристов-то. Тишь да гладь да Божия благодать!

– Да некогда бунтовать, владыка, – тоже с шуткой ответил отец Агапит, – а будет свободное время, и побунтуем. Но теперь пока некогда, учимся жить и Бога хвалить, а там, может быть, и совсем отвыкнем бунтовать.

«Хороший отец ректор, очень хороший!» – подумал владыка. А по уходе отца Агапита обратился к пришедшему с докладом иеромонаху архиерейского дома:

– Вот отец ректор-то в семинарии! Поискать таких-то.

– Чего лучше! – согласился эконоом.

– Семинаристы при нем совсем другие стали. Даже шапку при встрече снимают, а прежде, поди-ка! Стоящий архимандрит.

– Что и говорить, только что-то особенное в нем есть, – прибавил эконоом. – К духовнику часто ходит. Иной день не один раз прибежит.

– Гм... С чего бы это? – раздумчиво, как бы про себя, сказал владыка. – Человек он благодушный, не прочь и шутку сказать, никогда мрачного лица не показывал, напротив, всегда лицо веселое. А такому зачем бы на исповедь?

– Ходят слухи, владыка, – таинственно заговорил эконоом, – что по ночам отец ректор на молитве долго стоит, подвиги разные на себя накладывает и чуть ли не вериги носит на теле. Тайно благотворит будто бы. О доброте его и святости семинаристы твердят всюду. Правда, он на вид-то не подходит для святого: всегда такой веселый, радостный. Но кто его знает!

– Разве и святому нельзя быть веселым? Вот какой он! – неопределенно протянул владыка. – А к духовнику часто ходит, знать, для очищения совести. Верно, чувствителен очень.

То, на что намекал эконоом владыке, было известно уже всему городу. Об отце Агапите говорили как о человеке необыкновенно праведной жизни и даже как о святом. Толки эти, расширяясь все шире и шире, скоро перешли на более реальную почву.

В один из воскресных дней, возвратясь домой после вечерни в семинарской церкви, где он, по своему обыкновению, вел духовные собеседования и давал многочисленные объяснения вопрошающим, отец Агапит с удовольствием растянулся на кушетке, чтобы расправить уставшие члены. Но тяжелые думы наполнили его уставшую голову. Сколько сомнений, сколько борьбы, сколько неопишемого горя пришлось узнать ему в соприкосновении с людьми, обращавшимися к нему за разъяснениями по поводу различных религиозных вопросов и за советами в тех или иных жизненных затруднениях!

«Сколько всевозможных страданий – больших и малых крестов – несут люди, изнемогая под их тяжестью. Они падают, готовые предаться отчаянию, но несут все до конца, спасая свои души! – думал отец Агапит. – Я же все вожусь со своим крестом. А что мой крест? Правду говорил отец Исаия: “Радоваться надо, когда есть за кого молиться. Помолишься, и отступит образ невесты. Вот и молись!”. Теперь я знаю это! Да и за всех требующих от Бога помощи надо молиться! А таких и не перечесть!»

– О, Господи! Спаси всех! Помоги всем! – взглянув в угол на иконы и перекрестившись, произнес воодушевляясь отец Агапит.

– Вас желают видеть! – сказал появившийся в дверях послушник и подал визитную карточку.

– Сейчас, я только оденусь, – посмотрев на карточку, ответил отец Агапит и распорядился: – Проведи в гостиную.

Быстро надев рясу, он вышел к посетителю.

– Простите великодушно, отец архимандрит, что решился обратиться к Вам с неотложной нуждой, – с дрожью в голосе начал высокий пожилой полковник. – Просьба моя, может быть, покажется Вам очень странной. Но не судите, а помогите! Уставший хватается за соломинку, а я считаю Вас силою, на которую надеюсь; почему это так – опять не спрашивайте. У меня дочь взрослая тяжело больна, – продолжал после недолгого молчания полковник, – доктора не могут понять болезни. Лечили, лечили, и сегодня наконец консилиум заявил, что организм истощен и на восстановление его нет надежды. Жизнь угасает постепенно. Вся она тает точно воск и становится все тоньше и тоньше. Я приехал просить Вас: не откажите помолиться за нашу бедную, больную Верочку! Ей почему-то думается, что Ваша молитва возвратит ей здоровье!

Полковник низко поклонился и со слезами на глазах закончил:

– Сознаю всю неуместность моей просьбы к Вам, начальнику учебного заведения, занятому исключительно педагогическими интересами, но прошу Вас: признайте уместность просьбы отца, готового решиться для спасения дочери на что угодно!

Отец Агапит молча выслушал просьбу полковника, а затем распорядился позвать дьякона-эконома и приказал ему взять из церкви запасные Святые Дары.

В квартире полковника с нетерпением ждали результата посольства отца. У всех в голове была одна неотвязная мысль: приедет или не приедет «святой архимандрит»? В святости его почти не сомневались, а потому все думали: «Уж если приедет, то больная непременно поправится!». Сама же больная в какой-то счастливой, детской уверенности постоянно твердила: «Приедет, приедет!». Вот и звонок. У всех замерло сердце. Приехал отец архимандрит. Войдя в гостиную и глядя куда-то выше голов встречающих его лиц, коротко спросил:

– Где комната больной?

Его провели. Больная лежала на кровати, вытянувшись во всю длину, с застывшей на бескровных губах улыбкой и смотрела на вошедшего отца Агапита, словно думала: «Вот он, “святой архимандрит”!» А приехал-таки. Теперь я оживу».

Слабое сердце так сильно забилося в груди больной девушки, что она едва не задохнулась от волнения и конвульсивно схватилась за грудь. Отец Агапит, помолившись на икону,

благословил больную, взял ее за холодные руки и держал их, слегка пожимая, точно через них силился влить чудодейственную Силу, способную оживить умирающий организм.

Сердце больной усиленно трепетало и несколько раз замирало так, что от какого-то непонятного чувства она в страхе закрывала глаза. Но вскоре сердце девушки снова спокойно застучало в слабой и истощенной груди.

Наконец архимандрит встал на колени и долго молился так перед образами, перебирая в руках монашеские четки. Затем, исповедав и причастив больную, он твердо сказал:

– Именем Иисуса Христа будешь здорова!

Архимандрит еще раз истово благословил больную и поспешно удалился.

Вера ли родителей и самой больной, или же пережитые ею сильные волнения в ожидании отца Агапита, или его сосредоточенная и вдохновенная молитва произвели какой-то перелом в истощенном организме умирающей девушки, но с этого дня душевное состояние Верочки стало спокойным и уверенным, так что началось ее выздоровление. День ото дня больная чувствовала в себе как бы прилившую откуда-то извне силу, так что каждое утро, пробудившись рано, она силилась как можно крепче сжать свои кулачки и кричала матери:

– Мама, я сильная!

Действительно, совершилось чудо! Девушка, жизнь которой еще совсем недавно угасала, выздоровела.

Ровно через два месяца Верочка приехала вместе с родителями в семинарскую церковь помолиться, а потом и к отцу Агапиту – поблагодарить его за молитвы. Отец Агапит очень испугался этого внезапного посещения, естественно, предполагая, что его будут благодарить. Чтобы не дать времени для похвалы, он накинул на себя веселость и бойко начал хлопотать об угощении: сам расставлял на столе вазочки с разным вареньем, коробочки с искусным печеньем. Полковнице предложил исполнять роль хозяйки, а сам живо интересовался тем, как Верочка ощущала постепенное выздоровление и что она чувствует сейчас.

С этих пор молва о святости отца Агапита и его силе творить чудеса распространилась не только по городу, но и далеко за его пределами.

В душе же самого отца Агапита с новой силой возникла борьба – борьба не на жизнь, а на смерть, с самыми ужасными натисками старых искушений. Выздоровевшая Верочка, открывшая ему во время болезни свою душу, растравила в его сердце застарелую рану, и дорогой образ *его* Верочки с такой ясностью встал в сознании отца Агапита и с такой неотступностью был при нем, что он готов был даже принять его за реальность! Он рад был протянуть к нему руки, и обратиться, как к живому существу, и даже заговорить с ним... Но в то же время отец Агапит хорошо осознавал, что это – искушение. Он был серьезно озабочен – боязнь новых наваждений дошла до того, что архимандрит стал спать сидя в кресле, даже не раздеваясь. Но чем больше изнурял он себя подвигами, тем сильнее беспокоили его дьявольские наваждения.

Временами отец Агапит вспоминал наставления отца Исаии и успокаивался.

«Что бояться образов, – говорил ему когда-то отец Исаия, – это-то и хорошо, что они являются. Хоть знаешь, за кого молиться! Вот и молись!»

Эти слова старца ободряли отца Агапита. Он сразу оживал и, молясь за Верочку, об одном только и думал: «Лишь бы ей добро жилось! А мне живется хорошо, слава Богу! В семинарии установилось все наилучшим образом, и дух церковности утвердился здесь крепко. Воспитанники в церковном чтении и пении так преуспели, что семинарская церковь всегда полна народа, и с ним столько пастырских забот... Что делать? – вздыхал тихонько про себя отец Агапит. – У каждого свои нужды, свое горе. И всякому от горя хочется избавиться! Вот и обращаются они к священнику за молитвенной поддержкой да за разной помощью по нужде. Что делать, жаль людей, помогать надо...».

И ходили за помощью и утешением к отцу Агапиту все, кто о нем слышал, не стесняясь, во всякое время. Даже во время уроков приходили в семинарию и ожидали, когда он выйдет из класса.

За семь с половиной лет службы в семинарии архимандрита уже знал весь город, и даже дети, услышав о болезни кого-нибудь из родных или знакомых, уверенно говорили:

– Надо сходить к батюшке Агапиту!

***

Однажды в зимний вечер был довольно сильный мороз. Небо было ясное, светила полная луна, а миллиарды звезд точно яркие свечки мерцали в глубокой темноте неба. Набежит временами невесть откуда облачко, закроет луну, и звезды вспыхивают еще ярче, точно желая наверстать минутное уменьшение света луны. Дунет ветерок, разорвет в клочья облачко – и опять улыбается луна. Словно всем земнородным хочет сказать: «Что, испугались, голубчики? Ну-ну, я пошутила!». Отец Агапит в благодушном настроении сидел у окна, глядя на небо, и размышлял о дивной красоте природы, крепко заснувшей на целую зиму под пухлым белым покровом. И вспомнилась ему такая же зимняя ночь, когда он чуть не полтора десятка лет назад ездил семинаристом в село Белые Гари, где в первый и последний раз увидел свою Верочку. Сколько счастья сулил ему этот памятный вечер! Сколько радостных грез пережил он после этого вечера за полтора года, до окончания семинарского курса! Прямо со школьной скамьи попросил он священническое место. И получил его. На крыльях мечты летел он на Высокую Гору, чтобы «мановением палочки» превратить свою пленительную грезу в действительность и вместе с этой грезой ринуться в дальнейшую жизнь и трудиться без отдыха во славу Господа и на пользу Церкви и паствы. «Но увы, – тяжело вздохнул отец Агапит, – все разлетелось, как мечта, без надежды на счастье. Вот мое счастье – черный клобук да никому не ведомый тяжелый крест на спине! А где же моя милая “греза”? Где? Какой она несет крест? Тяжел ли он ей и под силу ли?»

– Простите, отец архимандрит! В передней никого нет, и я вошла, – проговорила изящно одетая во все черное высокая, стройная дама под густой вуалью. Приблизившись к отцу Агапиту, она протянула сложенные для благословения руки.

Отец Агапит смущенно благословил посетительницу, пригласил ее садиться, а сам поместился на стуле у противоположного конца стола и спросил:

– Что прикажете?

– Я к Вам за советом, отец архимандрит, – тихо уронила дама.

– К вашим услугам, и готов помочь, – поклонился отец Агапит.

– У меня очень тяжелая жизнь... – медленно и тихо заговорила дама, – и я часто не знаю, что мне делать, чтобы справиться с собой. Мне бы хотелось поговорить с Вами откровенно, но чтобы о нашем разговоре никто не знал. Я слышала, что Вы обладаете силой утешать бедствующих и облегчать всякое горе. Мне хотя бы малую отраду уметь находить в дни тяжелых душевных мук, от которых я по временам невыносимо страдаю! Подумать только, чего я лишилась по своей глупости и в какой брак вступила по чужой воле на всю жизнь... – посетительница, не закончив речь, смущенно отвела в сторону взгляд.

Нервно дрожащей рукой она вынула из сумочки изящный и сильно надушенный платок и вытерла им глаза, полные слез. А затем боязливо спросила:

– Вы позволите рассказать Вам о моей жизни? Вся она составляет никому не ведомую тайну, и мне думается, что одно уже сообщение о ней другому лицу, которому я, безусловно, доверяю, облегчит мой поистине тяжелый жизненный крест! Все считают Вас сильным пред Богом, – прибавила она, – и я буду утешена тем, что Ваши молитвы за меня пойдут к небесам.

Отец Агапит вдруг смутился. Непонятное малодушие, как никогда прежде, овладело им, словно ему угрожала неминуемая беда. В трагическом голосе незнакомки ему послышались какие-то тревожные оттенки – точно электрическим током били они прямо в его сердце. Архимандрит позвонил в колокольчик и приказал явившемуся келейнику подать графин воды, вазу с вареньем, стаканы и фрукты. Когда все это было подано, он предложил даме варенье и фрукты, а себе налил воды и залпом выпил. Вскоре, немного успокоившись, произнес:

– Я слушаю Вас!

– Кто я такая, откуда родом, где живу – на эти вопросы отвечать не буду, – начала дама. – Они для Вас не имеют значения. Я дочь небольшого чиновника, рано осталась сиротой и поступила на воспитание к дяде, сельскому священнику. Жизнь моя шла безмятежно и счастливо. Училась я в гимназии, а каникулы проводила у дяди, где подружкой моей была их дочь – моя двоюродная сестра. Наконец я окончила курс и имела намерение ехать на высшие педагогические курсы...

– Виноват, я сейчас приду, – вдруг вскочив с места, сказал отец Агапит и быстро вышел в другую комнату.

Там он вынул из кармана платок, зачем-то вытер им губы и нос. Затем нервно достал из этажерки коробку с мятными лепешками и, сунув одну из них в рот, немного постоял так в задумчивости. Вскоре же вышел к посетительнице и как ни в чем не бывало сел на свое место.

– Не утомляю ли я Вас? Может быть, Вам неприятно слушать странную повесть совершенно незнакомой Вам особы? – сказала с беспокойством дама. – Но я, ради Бога, прошу Вас выслушать меня до конца, потому что в другой раз я, кажется, и не решилась бы уже более говорить об этом.

– Нет, пожалуйста, продолжайте! – глухим голосом сказал отец Агапит. – Я свободен и готов выслушать Вас. Буду рад, если смогу чем-нибудь помочь Вам.

– По окончании курса, – продолжала дама, – я беззаботно набиралась сил на просторе деревенской природы – среди спелых хлебов, зеленых лесов и обширных благоухающих лугов. Моей двоюродной сестре еще год осталось учиться в епархиальном училище, и тетушка, видя нашу неразлучную дружбу, уговорила меня подождать с курсами – прожить год у них дома и на следующее лето ехать поступать вместе с сестрой. Так я осталась. Хороша уж очень казалась жизнь – все впереди представлялось приятным и заманчивым, хотя совершенно неизвестным. Впереди рисовалась чудная сказка! Когда сестра уехала в училище, я осталась на зиму в деревне с дядей и тетей; за книгой, за легкой работой: шитьем и вязаньем – проводила я время. Я не скучала. Но сердце мое было в ожидании. На Рождество приехала моя двоюродная сестра, хозяйская дочка, и мы задумали устроить веселье. Духовное сословие – люди патриархальные, вечеринки проходят у них просто и бесхитростно. Все уже веселились, когда в середине вечера в наш дом прибыли четверо замаскированных молодых людей. Оказалось, что это семинаристы...

Отец Агапит снова залпом выпил стакан воды и съел три мятные лепешки подряд. Косточки четок мелькали в его руках, пальцы были в нервном напряжении, и весь он как-то монотонно покачивался, точно старался осилить какую-то большую тяжесть.

– Один из замаскированных молодых людей не оставлял меня целый вечер, – говорила дама. – Он так говорил и вел себя, что я не заметила, как заиграло вдруг мое сердце. Ничего подобного до этого я никогда не испытывала. Тогда я попросила незнакомца показать мне лицо. Вдали от людей он снял маску, и я увидела чудный, милый лик с блестящими, ласковыми глазами. Сердце мое запело дивную песнь, и мы крепко пожали друг другу руки. Молчаливым крепким пожатием рук мы и простились, не сказав друг другу ни слова о том, что в душе каждого из нас. Он не открыл мне ни своего имени, ни фамилии, так как у приехавших в масках было условлено никому не открываться. Про меня он тоже ничего не спросил, вероятно, предполагая, что я дочь хозяина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.